

ГЕКТОР ШУЛЬЦ

ПУТЬ БЕЛОЙ МАСКИ

18+

Гектор Шульц

Путь Белой маски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70229308

SelfPub; 2024

Аннотация

Белые маски – таинственные наемные убийцы империи. Они бесшумны и быстры, их клинки остры и смазаны ядом. Их сложно заметить и невозможно поймать. Им без разницы, богач перед ними или бедняк. Если на стол легла монета с ликом Тоса, контракт заключен. И Белая маска исполнит контракт, ибо такова воля темного бога. Проданный в рабство, Эйден быстро меняет сытую жизнь на выживание. Он попадает на остров Лабран – обитель Белых масок и лишь от него зависит, сможет ли он заслужить собственный стилет и отомстить тем, кто обрек его на судьбу, пострашнее смерти.

Содержание

Пролог.	4
Глава первая. Цирк мадам Анже.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Гектор Шульц

Путь Белой маски

Пролог.

Закат догорал. Солнце давно уже скрылось за горизонтом, раскрасило облака в красный и оранжевый. С каждой минутой цвета тускнели, пока окончательно не уступили тьме и туману, который, змеясь, пополз из леса на тракт. Вдалеке завыл одинокий волк и на его зов тут же откликнулись собратья. Прострекотал в чаще малиновый токарь – крохотная птичка, а следом еще один. Стоило солнцу скрыться, как лес сразу же проснулся, наполнил влажную вечернюю тишину звуками и жизнью. Робко озираясь, на полянку вышел маленький олененок. Обеспокоенно потянул носом воздух и дернул ушами, когда с дерева на землю что-то спрыгнуло. Но спрыгнуло мягко, едва слышимо для зверя. Обычно лесные хищники ведут себя куда громче, даже если выслеживают добычу. Когда от дерева отделилась тень, олененок шахрахнулся в сторону и умчался в чащу, так и не услышав тихий смешок.

На поляну вышел рослый мужчина в черной накидке, мягких сапогах из оленей кожи и добротном костюме из плотной ткани. За плечом болтался похудевший дорожный мешок, а

крепкая рука сжимала резной деревянный посох – верного слугу любого путника.

Мужчина подошел к тому месту, где стоял олененок, присел на корточки и сорвал травинку. Затем растер её в пальцах и получившуюся кашицу поднес к носу. Широкие ноздри дернулись и вечернюю тишину снова нарушил тихий смешок – шелестящий и еле слышимый. Будь рядом внимательный человек, он бы спутал смех с бормотанием пересмешника, а невнимательный попросту не обратит внимание. Мужчина посмотрел в сторону тракта и вздохнул. Впереди, на холме, виднелся мощный замок. Не такой большой, как императорский в Ларахе, но тоже крепкий и основательный. Острый взгляд сразу углядел на сторожевых башнях развивающиеся флаги с гербом. Значит, хозяин дома. Мужчина еще раз понюхал пальцы, что-то пробормотал себе под нос и, развернувшись, направился в сторону леса. Будь рядом внимательный человек, он бы заметил, что движения мужчины мягкие, кошачьи. Словно дикий зверь крадется. А невнимательный подумал бы, что тьма вернулся в лес, где ей самое место.

Мужчина быстро углублялся в чащу. Туда, где находилось его убежище, где в горячих углях поспевал печеный картофель, и где его не смогут найти егеря герцога. Пока он шел, ни одна веточка не хрустнула под мягкими сапогами. Даже осторожный лис не поднял бы голову, списав все на шум леса.

Возле старого дуба пахло дымком и едой. Но пахло слабо, почти неуловимо. Шумел недалеко маленький родник, выбрались на волю сверчки и лягушки, снова завыл вдалеке волк. Но мужчина не обращал внимания на голос леса. Он перепрыгнул через толстый корень, поднырнул под другой и очутился в уютной впадинке, сотворенной самой природой. С одной стороны, впадинку закрывал ствол дерева, с другой стороны непролазные кусты колючей и ядовитой рогтеры, от которой счесаться можно до смерти, если шип оцарапает кожу. В земле было выкопано место под костер и тщательно обложено камнями, чтобы никто не увидел свет. Но сейчас костер не горел. Тлели только угли, отбрасывая мрачные тени на ствол дуба.

Присев рядом с костром, мужчина сбросил на землю дорожный мешок и, взяв с земли палку, немного разворошил угли, после чего выкатил на траву черные кругляшки. Рот сразу же наполнился слюной, но мужчина сдержался. Сначала он развязал тесемки и достал из мешка флягу с чистой водой. Сделал глоток, промочив горло, и немного плеснул на руки. Вытащил небольшой сверток со смесью соли и перца, увядшую головку лука и две тонкие полоски сушеного мяса. Разложив все на траве, мужчина вздохнул, прислушался к звукам из чаши и только после этого приступил к нехитрому ужину.

Поесть нужно. Если желудок пуст слишком долго, то на первый план выходит голод, а обостренные чувства резко притупляются. Это он запомнил давно и надолго. Два кусочка сушеного мяса, три печеные картофелины и половина головки лука. Этого хватит, чтобы обмануть желудок и обострить чувства. Владыка получит свою жертву и будет доволен. Как и всегда. Разломив черный кругляшок, мужчина втянул вкусный пар ноздрями, взял щепоть соли и перца, после чего осторожно посолил половинку печеного картофеля и, сунув в рот, заработал челюстями. Откусил лука, отломил кусочек от полоски сушеного мяса и, прожевав, глотнул воды.

– Беги, беги, – пробормотал он, увидев в траве удивленного зайца. Конечно, зайчатина на ужин лучше печеного картофеля, но сытый желудок приводит к лени, а сегодня лениться нельзя. Мужчина понимал, что ему достаточно одной секунды, чтобы пригвоздить зайца к земле, но не стал этого делать. Убийство должно быть оправданным. Или голодом, или ценой, или целью.

Заяц сверкнул глазом и, развернувшись, исчез в лесу, оставив мужчину тихо рассмеяться. Но в смехе сквозило и раздражение. Этот лес ему уже надоел. Семь дней он прятался в чаще, выбираясь на разведку лишь вечером и ночью. В первую ночь подобрался вплотную к замку и послушал разговоры стражников и слуг. На вторую и третью ночь совершил вылазку внутрь и удовлетворенный вернулся обратно,

поняв, что знающие не обманули его с чертежами. Но флаги были приспущены, поэтому пришлось ждать еще четыре дня. Темный бог не любит, когда жертва переживает восьмой день. Восемь – его число и мужчина знал это, как никто другой. Сегодня все закончится. В этом он был уверен. Флаги подняты, хозяин дома и больше нет нужды прятаться в лесу.

Закончив с едой, мужчина достал огниво и снова разжег костер. Пламя разогнало мрак и наполнило влажную, сырую ночь теплом. Осветило щербатый ствол дерева, заблестели в зарослях рогтеры чьи-то любопытные глаза, но мужчина был сосредоточен на другом. Он развязал тесемки, убрал в мешок соль, мясо и лук, после чего достал плоскую серебряную коробочку с необычным символом на крышке.

Мужчина откинул капюшон и потрянул головой. Затем аккуратно собрал длинные черные волосы в высокий хвост и опустился перед костром на колени. Пламя осветило лицо. На вид мужчине было около двадцати пяти. Черные, глубоко запавшие колючие глаза, длинный нос с широкими ноздрями, тонкие губы и упрямый подбородок, выступающий вперед. Левый глаз, часть лба и часть щеки были прикрыты белой матовой маской из неизвестного металла, настолько хорошо подогнанной, что маска казалась частью лица, с которого сняли кожу и оголили кость.

Резким, неуловимым для взгляда обычного человека, дви-

жением он выхватил из ножен на бедре стилет и положил его перед собой. Клинок обладал необычайно тонким лезвием, прямой крестовиной и обтянутой черной кожей рукоятью. Лезвие покрывали таинственные символы, ведомые лишь тем, кто служит Тосу. Затем пришел черед коробочки. Мужчина осторожно открыл крышку и заглянул внутрь. Внутри коробочки расположились маленькие пузырьки с неизвестными порошками, выстроенные в ряд и уплотненные мягкой черной тканью, призванной уберечь их. Вытащив один пузырек, мужчина откупорил пробку и высыпал немного черного, похожего на морской песок, порошка себе на ладонь. Затем поджал губы и бросил порошок в костер.

Пламя из оранжевого и живого резко стало синим и холодным. Щеки мужчины тронул морозец, но он не дрогнул. Наоборот, надменно улыбнулся и медленно поклонился холодному пламени. Воздух загустел и изо рта мужчины вырвалось облачко пара, когда он выдохнул.

– Услышь меня, Владыка, – хрипло произнес он. Голос резкий, неприятный, злой. – Наполни мою руку силой, а голову ясными мыслями. Пусть мой клинок сегодня напьется крови в твою честь. Я – Эйден Мордред. Мое сердце мертво, как и твое, а душа закрыта белой маской.

Пламя дернулось, мороз усилился, и щетина на щеках покрылась инеем. Тос услышал зов и пришел к своему слуге. Мужчина снова улыбнулся и, взяв стилет, сунул его лезвие в огонь. Таинственные символы полыхнули льдом, отбросив

зловещие тени на лоб и белую маску. Пальцы сводило от холода, но Эйден терпел. Клинок нужно напитать дыханием Владыки. Темный бог не любит тех, кто боится боли.

Пламя дернулось еще раз и сменило цвет на привычный, теплый и оранжево-красный. Иней на щеках растаял и лицо теперь блестело от влаги, но Эйден не отвлекался. Он прокрутил стилет на ладони, посмотрел на тускло светящиеся символы на лезвии, вогнал оружие в ножны и поджал губы, почувствовав, как бедро обожгло холодом. Лабранская сталь хотела теплой крови и ожидаемо кусалась, поторапливая его.

Убрав коробочку с порошками в мешок и затушив костер, Эйден приступил к подготовке. Первым делом он снял плащ и, замотав дорожный мешок в нем, спрятал все в корнях старого дуба, после чего установил ловушку. Если кто-то натолкнется на его стоянку, то не успеет руку протянуть к вещам, как сердце пробьет ядовитый кол, упавший сверху. Если же Эйдену не суждено было вернуться, то Тос получит еще одну, прощальную жертву. Мешок спрятан, посох зарыт в кучу прелых листьев, костер затушен, закопан и тщательно спрятан.

– Пора, – пробормотал Эйден, посмотрев на ночное небо. Тысячи тысяч звезд взирали на него сверху, как и щербатая луна, еще не успевшая налиться полнотой. Но любому известно, что луна – это глаз Тоса и сейчас его глаз следил за своим верным слугой.

Обратный путь к полянке был осторожным. Эйден бежал вперед, подобно скальному коту, но, в отличие от грозного животного, абсолютно бесшумно. Выбежав на полянку, он на миг остановился, глубоко вдохнул прохладный ночной воздух и опустился на колени. Перед ним раскинулись бескрайние поля герцога Кloverта, посреди которых, на холме, стоял замок. Рука привычно нащупала рукоять стилета. Все еще ледяной. Ждущий свою порцию теплой и сладкой крови.

Эйден снова распустил волосы и собрал их на этот раз в пучок. Ничто не должно мешать. Ничто не должно отвлекать. Он вытащил стилет, улыбнулся, словно старому другу, придиричиво попробовал ногтем лезвие и, удовлетворенно хмыкнув, побежал вперед, к замку. Этой ночью еще одна душа отправится к Тосу. Как и всегда.

До восточной стены замка удалось добраться без проблем. Еще в прошлый визит Эйден заприметил в стене выщерблины, оставленные во время старых осад. По этим выщерблинам он и проник в замок, никем не замеченный. Черный костюм, пошитый на Лабране, скрывал его в темноте, поэтому сложностей не было. Не должно быть и сейчас.

Забраться на стену удалось за три вдоха. Пальцы привычно находили знакомые углубления, избегали рассыпавшихся камней и таящихся в темных дырах пауков, поджидавших добычу. Забравшись на стену, Эйден юркнул в спасительную

ть и прижался спиной к камням, еще не успевшим отдать ночи тепло дня. Оценка ситуации, как обычно, заняла не более одного удара сердца.

В сторожевой башенке один стражник. Судя по приглушенному храпу, он спит, налакавшись вина. Поодаль видна еще одна башня и остроконечный шлем другого стражника. Внизу, во дворе, многолюдно. Повсюду снуют слуги, складывая в телеги корзины с мясом и вином. Завтра герцог должен отправиться в Ларах, к императорскому двору, но еще не догадывался, что этого не случится. Эйден внимательно осмотрел двор, привычно отметив расположение зевающих стражников. Они недавно заступили в ночную смену, их разум еще спал, а значит есть шанс добраться до покоев герцога без лишнего шума. Под второй сторожевой башней располагалась конюшня, а прямо над крышей конюшни нужное окно. Эйден вздохнул, достал из нагрудного кармашка крохотный пузырек и, откупорив пробку, капнул пару маслянистых капель себе на ладонь, растер их, после чего равномерно прошелся по лицу, костюму и ногам. Лабранское масло напрочь отбивало посторонние запахи, благодаря чему ни лошади, ни собаки, ни любая другая живность теперь не могли его учуять. Эффект продлится пару часов, медлить нельзя. Он осторожно отделился от стены и незаметно скользнул в темноту первой сторожевой башни.

Стражник спал, развалившись на криво сколоченном стуле. На полу валялись объедки, пустые кувшины и омерзи-

тельно воняло дешевым вином и мочой. Нахмурившись, Эйден достал из ножен стилет и, подойдя ближе, коснулся лезвием оголенной кожи на шее. Стражник не дернулся. Спит крепко. И, судя по количеству пустых кувшинов, проспит до утра. Конечно, его можно убить, но Эйден не был уверен, не найдет ли тело караул, а вот путь отхода терять не хотелось. Стилет спрятался в правом рукаве, а сам Эйден двинулся дальше. Клинок еще напьется крови. Оставался второй стражник и он, в отличие от своего собрата, бодрствовал, внимательно прогуливаясь по стене и всматриваясь в темноту.

Оценив ситуацию, Эйден дождался, когда стражник повернется к нему спиной, дойдет до темного провала и скроется во второй сторожевой башне. Затем сосчитал до трех и в несколько прыжков достиг стоящего у двери бочонка. Запрыгнул на него, вжавшись в стену, после чего подтянулся на руках и забрался на покатуку крышу башенки. Все прошло идеально. Ни шороха, ни вырвавшегося сквозь плотно сжатые губы дыхания, но путь только начался и расслабляться рано.

Эйден дождался, пока страж выйдет из башенки и повернется к нему спиной, аккуратно перебрался на другую половину крыши и спрыгнул через стену на конюшню. Окно над конюшней было открыто. Об этом он позаботился во время прошлого визита, вогнав между ставнями щепку, не дающую

окну закрыться. Дальнейшее было делом техники: дождаться пока стражники внизу отвернутся, подтянуться на руках и влезть внутрь.

– А... – открыла рот дородная служанка в темно-сером платье, неожиданно появившись из открытой двери рядом с окном. Договорить она не успела, потому что сверкнул стилет и лезвие мягко вошло женщине в левую грудь. Эйден подхватил обмякшую служанку, затащил её внутрь крохотной каморки, где хранилось грязное бельё и, найдя большую корзину, закинул тело внутрь, после чего прикрыл рубашками в жирных пятнах, смердящим исподним и пожелтевшими от пота одеялами. Владыка получил нежданную жертву. Жертву, убитую не ради веселья, а по необходимости. И такая жертва темному богу всегда по душе.

– «Не в том месте, не в то время», – мысленно проворчал Эйден. Он подошел к двери, удостоверился, что слуг больше нет и в коридоре тихо, после чего выбрался наружу. Затем оттолкнулся от стены, повис на подкопченной балке и, подтянувшись, легко забрался под потолок.

По пути в спальню герцога его никто не заметил. Слуги редко смотрели вверх, но если бы все-таки посмотрели, то не увидели бы ничего. Эйден умел прятаться, если необходимо. Насчет убитой служанки он тоже не волновался. Вряд ли кому-то придет в голову разбирать корзину с грязным бельем в углу, когда рядом стоят еще три похожих корзи-

ны. Как только он доберется до цели, о служанке никто и не вспомнит, пока тело не начнет гнить.

Но пробираясь к спальне, Эйден не забывал посматривать по сторонам и, услышав голоса, скрывался в тени, пока опасность не миновала. Дважды стилет выскальзывал из рукава и тут же прятался обратно, стоило людям внизу покинуть коридор. Конечно, герцог мог в ночной час быть в другой части замка, но тонкое лезвие стилета все равно отыщет его сердце, не успеет солнце взойти.

Возле входа в спальню стояли два стражника. Но то были не обычные алийские стражники в кожаных панцирях, остроконечных шлемах и с широкими, плоскими мечами. Спальню герцога охраняли два гастанца. Обнаженные до пояса, согласно их вере. У каждого добротные алийские жаллы – широкие у основания и сужающиеся к острию клинки. На первый взгляд кажется, что они скучают, но их выдают глаза и слегка подрагивающие сухие мускулы под тонкой, черной кожей. Их появление не стало для Эйдена неожиданностью. В первую вылазку он изучил почти весь замок и хорошо подготовился к встрече с элитной охраной герцога.

Гастанцы не могли видеть, как тень отделилась от потолка и перебралась ближе, к тяжелому светильнику, висящему над ними. Эйден достал из нагрудного кармашка еще один пузырек, медленно вытащил пробку и не менее аккуратно обронил на ладонь две черных горошины, размером с рыбий

глаз. Горошины тут же полетели в огонь, а Эйден резко зажал нос пальцами, однако с места не двинулся.

Гастанцы недоуменно переглянулись и принялись. Затем задрали головы наверх, захрипели и рухнули на пол. Лишь после того, как они затихли, тень прыгнула вниз.

В коридоре было тихо. В эту часть замка редко, кто заглядывал, поэтому Эйден не волновался и не спешил. Рядом обнаружилось отхожее место, куда он спрятал тела. Острые жаллы, после небольшой паузы, полетели в вонючую дыру. Когда гастанцы очнутся, то проклянут всё: и герцога с его врагами, и черные горошины, превращающие тело и разум в жидкий кисель. Эйден испытал на себе эффект «черных глаз Тоса», но сочувствия к стражам герцога не испытывал. Пусть спасибо скажут, что над дверью висел светильник. В ином случае он бы их просто зарезал без лишнего шума.

С дверью пришлось повозиться. Тяжелый и неподатливый резцу эренский дуб с хитрым алийским замком, запертым изнутри. Что же, значит, герцог в спальне. Это многое упрощает. Эйден вытащил отмычку из черного металла, задумчиво поковырялся в замке и еле заметно улыбнулся, услышав тихий щелчок. Обычный вор потерпел бы здесь фиаско, но не Белая маска.

Дверь открылась медленно и бесшумно. Эйден следил, чтобы сквозняк не потревожил спящих, поэтому делал все

нарочито медленно. Даже дыхание задержал и замедлил пульс, предпочитая не рисковать. Войдя внутрь, он прикрыл за собой дверь и спрятался за тяжелую портьеру. Сосчитал до трех и осторожно выглянул из укрытия.

Спальня герцога поражала убранством и роскошью. Это не удивляло. Герцог Кloverт – особа, приближенная к императору и широко известная при дворе. Его виноградники поставляли вино к императорскому столу, а знаменитые леса славились обилием дичи. Эйден не удивился, увидев на столе, возле большого мозаичного окна, золотой бюст, изображавший самого герцога. Подобные вещи вызывали у него одну лишь скуку. К тому же его интересовал живой герцог, а не холодный и золотой.

Герцог спал беззаботным сном на большой кровати, изготовленной из мореного дерева, и он был не один. Рядом с ним лежала голая девушка, с гладкой, алебастровой кожей. Под светом луны, бьющей в окно, кожа казалась светящейся, а формы девушки были идеальными, словно её коснулся резец талантливого скульптора. Девушка закинула одну ногу на герцога, а вторая свисала с края кровати, открывая Эйдену великолепный вид. Но он равнодушно скользнул по ней взглядом и обошел кровать, чтобы оказаться у головы герцога Кloverта.

Стилет обжег кожу холодком, когда выскользнул из рука-

ва в ладонь. Жидкой крови служанки было мало. Сталь, закаленная Тосом, требовала настоящей крови. Густой, благородной, сладкой. Сталь требовала и жертвенной плоти, как щедрый дар темному богу от верного слуги.

Дальнейшее было делом техники. Эйден проделывал это не раз. Левая ладонь резко легла на рот и нос герцога, а правая, с зажатым в ней стилетом, опустилась на грудь. Узкое лезвие прошило кожу, мышцы и наконец сердце. Удар был быстрым, сильным и незаметным. На Лабране такие удары оттачивают годами и продолжают совершенствовать умение, выходя в мир. Эйден знал, что последует дальше, и выдернул клинок. Так же легко и быстро, как вонзил секундами ранее.

Пробитое сердце парализует яд Тоса, в крохотную дырочку хлынет кровь, но человек не почувствует боли. Сердце замедлит свой ход, онемеют ноги, затем руки и под конец черная пелена опустится на глаза. Душа полетит к Тосу на справедливый суд, а тело исторгнет из себя мочу и дерьмо. Так было и так будет всегда.

Герцог не дрогнул, когда лезвие вонзилось в грудь и пробило сердце. Он умер почти мгновенно, но Эйден не стал рисковать и убрал руку лишь тогда, когда почувствовал, что тело обмякло. Затем повернулся в сторону голой девушки и нахмурился. Ему предстоял еще обратный путь, а если девица решит проснуться, как только он покинет спальню и поднимет крик, обратный путь будет тяжелым. Оценка ситуации привычно заняла пару мгновений. Эйден переместился

левее и склонился над спящей. Пальцы быстро нашли точку забвения, напряглись и трижды вжались в белую кожу. Девушка всхлипнула, голова дернулась в сторону и раздался тихий храп.

– «Проспит до утра», – подумал Эйден, убирая стилет в рукав. Клинок наполнился благородной крови и больше не жёг руку холодом. Конечно, проще было бы убить девицу и пожертвовать Тосу и её женственность, такая жертва тоже будет приятна темному богу. В смерти девицы просто нет смысла. Но так было не всегда.

Вздохнув, Эйден вернулся к телу герцога, откинул одеяло и равнодушно посмотрел на увядшее достоинство. Стиллет вновь скользнул в руку и мгновение спустя отсек член. Кровавоточащую плоть Эйден спрятал в черный бархатный мешочек, который не пропускал влагу, и прицепил его на пояс. Затем расстегнул еще один нагрудный карман и извлек из него маленький засушенный цветок белого цвета – лабранскую розу. Эта роза росла только на Лабране и больше нигде, и именно её выбрал своим отличительным знаком Эйден. Станный это был цветок. Белый и чистый, он жадно впитывал кровь, стоило ему упасть в багровую лужу. Этим багрянцем и окрашивались его лепестки. Будучи засушенным, он снова оживал, если дать ему вкусить крови.

Розу Эйден воткнул в еле заметную дырочку, оставшуюся от удара стилетом. Затем отошел в сторону и удовлетворенно хмыкнул, увидев, как сухой цветок начинает оживать

и наполняться кровью герцога. Это зрелище всегда его завораживало. И очень огорчало, если не удавалось понаблюдать за воскрешением мертвого цветка.

За дверями было тихо. Эйден осторожно выглянул в коридор, потянул носом и, не обнаружив ничего необычного, привычно подпрыгнул, ухватился руками за потолочную балку и ловко взобрался наверх. На обратном пути ему никто не повстречался и до окна, ведущего на крышу конюшни, удалось добраться без происшествий. На миг Эйден скользнул взглядом по каморке, где хранилось грязное белье, и мотнул головой. По-хорошему служанку тоже следовало лишить женственности, но он не собирался тратить время, поэтому выбрался на крышу конюшни и, прищурившись, осмотрел внутренний двор и стены замка.

Слуги разошлись, закончив собирать телеги. Внизу остались лишь редкие стражники, которые, зевая, разгуливали по двору. Эйден чертыхнулся, увидев, что на пути отхода появилась проблема: теперь участок стены охранял не один стражник, а трое. Двоих он узнал и мысленно порадовался, что сохранил им жизнь. Увидь третий, что в башенках лежат трупы, давно поднял бы тревогу.

Эйден бесшумно перебежал в тень, выждал немного и, подтянувшись на руках, взобрался на стену. Шершавый камень оцарапал руку, но убийце было плевать. Он давно перестал обращать внимание на такие мелочи. Гораздо больше

его заботила болтающая впереди проблема.

– Да, так мы тебе и поверили, брехло, – негромко рассмеялся один из стражников. Второй, с неприятным плоским лицом, водянистыми глазками и жидкой бородкой, оскорбленно фыркнул.

– Говорю тебе, что драл эту белобрысую девку не далее, как перед ужином, – ответил он.

– Ты о девке герцога говоришь, Лэх? – встрял в разговор третий.

– Ага, – ответил ему первый. – Все покоя ему не дает. Вот и придумывает сказки. То та гастанка его ртом ублажила, теперь алийская рабыня на него прыгает.

– Ничего не сказки, – снова вспылил плосколицый Лэх. – В камерке рядом с кухней и драл её. А она орала, что коза.

– В козу охотнее поверю, – буркнул третий и поежился. – Кончал бы ты языком чесать. Услышит кто и герцог тебя вздернет...

– «Убить или оставить в живых»? – подумал Эйден, прячась в тени. Убить их было бы легко. Мало кто мог что-то противопоставить Белой маске. Но Эйден привык действовать осторожно и наверняка. Хватило ошибок в прошлом. Он подобрал лежащий у ног камешек и, прицелившись, бросил его на крышу конюшни. Причем бросил так, чтобы слышали только те, кто должен был услышать.

– Чу! Слышал? – мгновенно отреагировал первый.

– Кошка либо шляется, – проворчал Лэх. Он все еще дулся на друзей за то, что те ему не поверили.

– Или баба твоя белобрысая за тобой пришла, постель герцога на твою рожу променяв, – хохотнул третий. – Пойди проверь.

– Да кошка это... – Лэх не договорил, потому что услышался звенящий шлепок и очередной хохоток третьего.

– Проверь, – в голосе первого не было смеха. Только угроза и приказ.

Эйден вжался в стену, слившись с тенью. Стиллет привычно скользнул в правую руку, готовясь испить крови. Шорканье ног, тяжелое дыхание, вонь от немытого тела, позвякивание железа: убийца ждал, когда тень стражника появится в проеме. И, дождавшись, рванул Лэха на себя, попутно вонзив лезвие под ребра. Стражник, так ничего и не поняв, умер моментально. Тело Эйден осторожно прислонил к стене, следя за тем, чтобы оно оставалось в тени. Осталось двое стражников и теперь можно обойтись без прятков.

Первый умер быстро и безболезненно. Последним, что он увидел, была неясная дрожащая тень в дверном проеме, а затем обтянутая черной кожей рукоять стилета, торчащая из его груди. Яд подействовал сразу и стражник осел на пол уже мертвым. Второй, не успев закричать и выхватить меч, схватился за перебитое ребром ладони горло. Первым ударом Эйден разбил ему гортань. Вторым ударом в нос вогнал

кость в мозг. Расправа не заняла много времени. Три удара сердца. Три трупа.

Перетащив тела в сторожевую башенку, Эйден не стал отказывать зову клинка и отсек у мертвых мужественность, которая тоже отправилась в бархатный мешочек. Владыка будет доволен обильной жертвой. Как и всегда. Улыбнувшись, убийца бросил последний взгляд на внутренний двор и, перескочив через стену, ловко спустился вниз.

Стражник на дальней башенке было прищурился, увидев летящую к лесу тень. Моргнул, протер глаза и сплюнул через левое плечо, не придав тени должного значения. Мало ли зверей шляются ночью возле замковых стен. За каждым следить, так чего важного пропустишь.

Лес покряхтел и поворчал, когда убийца углубился в чащу. Но ни одна ветка так и не хрустнула под сапогами из мягкой оленьей кожи, пока Эйден бежал к своему укрытию. Останавливаться нельзя, нужно принести обещанную жертву Владыке и уйти из леса подальше, пока егеря и охрана замка не вышли прочесывать местность.

Добравшись до старого дуба, Эйден обезвредил ловушку, выкопал мешок, завернутый в плащ, и, развязав тесемки, вытащил серебряную коробочку и причудливую жаровню, непохожую на другие. На этой жаровне тоже жарилось мясо, но предназначалось оно только темному богу.

Пламя полыхнуло синим, когда Эйден закинул в жаровню тлеющие угли и сыпанул на них черного порошка. Воз-

дух загустел, а щетина, как и прошлый раз, покрылась инеем. Убийца дождался, когда металл раскалится, отцепил от пояса бархатный мешочек и вывалил содержимое на жаровню. Кровоточащее мясо моментально обуглилось и зашипело, наполняя свежий лесной воздух паленой вонью. Но Эйден не дернулся. Этот запах приятен Тосу, а значит, приятен и его слугам. Осталось дожждаться, когда жертвенная плоть сгорит окончательно.

Сидя перед жаровней и глядя, как чернеет и истончается мясо, Эйден задумчиво хмыкнул, развязал мешок и решил поесть. Подкрепиться не помешает перед обратной дорогой. До Лараха трое суток пути, придется идти без остановок, чтобы покинуть земли герцога, и на еду отвлекаться нельзя. Но убийца был доволен. Владыка получил жертву, контракт выполнен, герцогиня будет довольна. Сунув в рот кусок сыра, Эйден покачал головой, вспомнив её слова после заключения контракта.

– Пусть он умрет безболезненно и быстро, – сказала она и положила перед Эйденем еще одну серебряную монету с ликом Тоса. Точно такая же монета лежала рядом с тарелкой тушеной свинины с грибами. Стандартная плата за стандартный контракт. Хочешь особых условий? Плати двойную цену.

– Миледи, – ответил Эйден, подвигая монету к себе. Герцогиня нахмурилась и посмотрела ему в глаза, но он выдер-

жал взгляд, заставив её вздрогнуть. Красивая, гордая, испуганная.

— Я делаю это ради сына, — словно оправдываясь, добавила она.

— Я вам не судья, миледи, — повторил Эйден и криво улыбнулся, когда женщина поднялась из-за стола, кивнула сопровождавшему её здоровяку и покинула постоялый двор. Красивая, гордая, готовая на все, ради ребенка.

До ушей донесся задушенный рев далеких труб. Три коротких. Один длинный. «Тревога». Эйден поморщился и посмотрел на жаровню. Жертвенное мясо еще не сгорело и ритуал прерывать нельзя. Значит, придется задержаться. Вряд ли егеря и стражники ринутся в лес прямо сейчас. Сначала они отправят быстроногих на тракт, обыщут земли рядом с замком, проверят деревушку по соседству и только потом полезут в лес. К тому моменту он уже исчезнет. Как и всегда. А пока остается только ждать, когда темный бог окончательно насладится жертвой в его честь.

Эйден вздохнул и откинулся спиной на ствол дуба. Дерево еще хранило тепло дня, но убийца привык к холодному пламени Тоса. Лето заканчивалось и скоро наступит привычная эренская осень: промозглая, холодная, влажная. Можно перебраться ближе к островам Гастана, или отправиться на восток, в Кагру. Убийство герцога Кловерта не останется без внимания. Вся знать всколыхнется, начнет осторожничать, а

значит хороший контракт заполучить будет сложно. Насчет себя Эйден не волновался. Всю ответственность за убийство брал на себя заказчик, ему и отвечать, если правда всплывет наружу. Герцогиня знала, на что шла, найдя его и положив на стол метку Тоса.

Конец лета. Важный день. Эйден криво улыбнулся и вытащил из ножен стилет. Превосходная лабранская сталь, недоступная простым смертным. Получить её может лишь Белая маска. И владеть ей может лишь Белая маска. В голове закружился водоворот образов, мест и событий. Образов старательно забытых, но все равно возвращающихся в определенную ночь в году. Последняя ночь лета. В эту ночь родился Эйден Мордред. В эту ночь он покинул Лабран, ступив на борт «Черной чайки», и взял первый контракт. В эту ночь он стал Белой маской...

Глава первая. Цирк мадам Анже.

Петух, неуклюже переступая с ноги на ногу, пьяно курлыкнул и завалился набок, заставив темноволосого мальчишку довольно рассмеяться. И так всегда, стоит старой Ани высыпать отбродившее зерно на скотный двор, как половина птиц обязательно нажрется его и начнет буяннить. Дальше всех заходил старый петух, который мирно доживал последние дни. Его отец не разрешал резать, предпочитая птицу помоложе, поэтому старому пройдохе дозволялось умереть от старости. Но он не очень-то и спешил. Зато отбродившее зерно любил пуще свежего, наедаясь так, что потом валился с ног.

– Эй! – крикнула старушка, заметив, что мальчишка хочет. – Помоги мне.

– Хорошо, – звонко ответил он и, подбежав к ней, улыбнулся. – Ани, а ты дашь мне свиней покормить?

– Запорют тебя, глупый, – покачала головой старая Ани. Она была такой старой, что нянчила еще отца Эйдена. Иногда мальчонка гадал, в чье правление родилась Ани, но устав ломать голову, убеждал себя, что это неважно, и возвращался к забавам. – Воды лучше натаškai, раз хочется. Смотри, у птиц пусто.

– Ой-ёй, Ани. И правда пусто, – шмыгнул носом Эйден и, схватив деревянное ведро, помчался к колодцу. Ему нрави-

лось помогать Ани, потому что старушка частенько давала ему сладкий пирожок за труды, а за сладкое Эйден готов был продать душу. И пусть сыну знатного купца не пристало выполнять работу слуг, он всегда помогал старушке, если была возможность. Отец в Ларахе и пусть он обещал скоро вернуться, но ловить момент нужно сейчас, поэтому мальчишка с чистой совестью помчался на скотный двор, где сразу же получил от Ани работу. Закончив наполнять деревянные корыта водой, он поставил пустое ведро у курятника и подбежал к старушке. Та улыбнулась и ласково потрепала мальчонку по голове, заставив его зажмуриться от удовольствия.

– Молодец, – хмыкнула она и удивленно подняла бровь, заметив, что Эйден мнется рядом. – Чего глаза лисьи? Пирожок хочешь?

– Хочу, – честно ответил Эйден и рассмеялся, когда Ани, словно циркач, выудила из кармана фартука завернутый в промасленную бумагу пирожок. – Спасибо, Ани.

– Лопай, лопай, – проворчала она. – Кожа да кости. Всю рожицу твою в жменю собрать можно.

– Ани, а мы к коровам когда пойдем?

– Я пойду, глупый. Ты вон беги к сестре, – кивнула Ани в сторону рослой девушки, стоящей на крыльце дома и задумчиво за ними наблюдавшей. – Опять отцу нажалится, что со слугами лазаешь.

– Эх, – искренне расстроился Эйден и, посмотрев с тоской на сестру, выдавил из себя улыбку, обнял опешившую

старушку и, развернувшись, помчался к дому. Не забыв закричать напоследок, заставив Ани улыбнуться. – Спасибо!

– «Житие великого Парра» прочел? – нахмурившись, спросила девушка, когда Эйден подбежал к ней. Он виновато пожал плечами и шмыгнул носом. – Почему?

– Скучно, Бронна...

– Бронвен! – перебила она его, заставив мальчишку вздрогнуть.

– Бронвен, – исправился он. – Я честно прочитаю, обещаю.

– Ты не мне обещал, а отцу, – холодно заметила девушка, скрестив руки на груди и смотря на Эйдена сверху вниз. – Даже не верится, что ты его сын. Может Тос тебя к нам в дом подкинул?

– Нет! Я твой брат! – возмутился мальчишка и ойкнул, когда рука сестры описала полукруг и вlepила ему пощечину.

– Как ты должен говорить со мной?

– С почтением. Прости, Бронвен.

– То-то же. Бегом в свою комнату и после обеда расскажешь мне, как великий Парра изгнал каградов из Эрении, – ответила она, пропустив мимо ушей его слова. Эйден кивнул и, понурившись, вошел в дом. Спорить с Бронвен бесполезно. Если ей надоест, она возьмет пучок рогтеры и исхлещет спину до крови.

Сестра была старше его. Отец говорил, что родилась она,

когда империей правил внук Монтон Первого. Эйден не знал её мать, но и сомнений не возникало в том, что Бронвен пошла в отца. Тот же волевой подбородок, черные глаза, острые скулы и тонкий нос. Чистокровная эренка. Белокожая и черноволосая. Горячий нрав и тяжелая рука. Мать Бронвен умерла при родах, оставив безутешному Доввену дочку. Много суровых зим прошло, прежде чем он позволил жрецу Ласа повязать на свою руку новую свадебную ленту. Его женой стала дочь Кагры – высокая, смуглая и молчаливая Элама. Не успело закончиться лето, как она подарила мужу сына. Эйдена. Такого же черноволосого, как отец, но смуглого, как гордые каграды.

Отца Эйден видел редко. Тот почти все время проводил в Ларахе, где находились его лавки. Заключал новые контракты, отряжал караваны, вел переговоры и преумножал свое состояние, домой возвращаясь только с началом зимы, да в редкие моменты, когда тоска по детям становилась сильнее. Элама всегда сопровождала его, как того требовал обычай, но вернувшись, не скрывала радости, увидев сына. Бронвен держалась с ней высокомерно и холодно, однако Эйден ни разу не видел, чтобы мать подняла на сестру голос, отругала или как-то показала, что она неродная. Наоборот, Элама не делала различий и любила их одинаково, несмотря на стену льда со стороны Бронвен. Правда в начале весны Бронвен серьезно поругалась с отцом, когда тот приехал домой на пару ночей. Эйден не застал весь разговор, услышал только его

окончание.

– Почему он? – Эйден, спрятавшись рядом с дверью, вздрогнул, услышав голос сестры – неприятно холодный и даже злой. – Чем я хуже, отец?

– Тем, что ты женщина, – голос отца хриплый, усталый, но в нем слышится улыбка. – Бронна, ты знаешь наши обычаи...

– Знаю, – резко ответила сестра. Эйден затаил дыхание, ожидая услышать звук пощечины, но его не последовало. – Неужели все дело только в обычаях? Почему женщина не может быть купцом?

– Потому что так повелось издревле, – спокойно пояснил отец. – Когда пушок тронул мой подбородок, я отправился с отцом и помогал в его лавке, перенимая мудрость и учась вести дела. Пора Эйду становится мужчиной, а не возиться в дерьме со слугами на скотном дворе.

– А я? – голос Бронвен задрожал от обиды.

– А ты, дочь моя, обретешь счастье, найдя себе мужа, – мягко ответил он и добавил. – Тебе нет нужды волноваться. Я приму любое твоё решение, а приданное будет богатым.

– Любое решение, – горько усмехнулась сестра. – Но не то, что я хочу на самом деле.

– Ты не купец, Бронна. Ты – будущая мать...

– На островах Гастана женщины равны мужчинам.

– Похвально, что ты интересуешься историей Эренвальда. Но будет так, как я сказал, – в голосе отца слышались

суровые нотки. Эйден слышал пару раз, как он разговаривал так с караванщиками и те съезжались, не рискуя смотреть ему в глаза. – На исходе лета Эйден поедет со мной в Ларах и будет учиться вести дела. А ты будешь хранить себя для мужа. А если не уgomонишься, то мужа я тебе найду сам. Такого, какого сочту нужным. Такого, кто сможет укротить твой буйный норов. Ясно?

– Да, отец, – снова лёд в словах. И безразличие. Эйден юркнул в кладовую, услышав шаги. И сделал это вовремя, потому что дверь распахнулась и Бронвен, ворча под нос ругательства, выскочила из отцовской спальни. Если бы она узнала, что он все слышал, то пучком рогтеры точно бы не ограничилась. Но о разговоре Эйден вспомнил только сейчас, поэтому вздохнул и, войдя в комнату, взял с кровати тяжелую книгу. «Житие великого Парра». Бронвен оправданий слушать не станет, да и на его мнение ей тоже плевать. Радовало только то, что скоро приедет мать. От этого настроение сразу улучшилось и Эйден, улыбнувшись, раскрыл книгу на нужной главе.

Бронвен пришла в его спальню ближе к полуночи. Взяла в руки книгу, прищурилась и внимательно посмотрела на брата. Эйден замер, гадая, что последует. Сестра нахмурилась, прошла по комнате и, отряхнув с костюма, невидимые крошки, присела у окна, после чего раскрыла «Житие» на главе про изгнание каградов.

– Что сделал Парра, захватив лидера мятежников? – тихо спросила она. Эйден поежился, увидев в её глазах холод. – Ты читал?

– Да, Бронвен. Парра захватил Канамо Хейфитца после битвы на Ларахских полях. Он отправил в лагерь мятежников посла, но каграды прислали обратно только его голову. За это Парра взошел на стену замка и повелел...

– Говори, – подтолкнула его Бронвен. Эйден поморщился. «Житие великого Парра» всегда давалось ему сложно. Иногда его начинало тошнить от книги, настолько ярко там были описаны некоторые моменты.

– Он повелел поставить на стене большой столб, к которому привязали Канамо Хейфитца, а потом... Бронвен...

– Говори! – прошипела сестра, наклонив голову. – Как ты дела собрался вести вместе с отцом, если блюешь и падаешь в обморок от простой книжки.

– Он... Он снял с Канамо кожу. Заживо.

– Верно. Перед кем?

– Перед мятежными каградами. Канамо не сдержался и закричал, но Парра продолжал истязать...

– Истязать? – приподняла бровь девушка.

– Прости, Бронвен. Я ошибся. Не истязать, а показывать каградам свое величие.

– Дальше.

– Сняв кожу, Парра принялся отрезать от тела Канамо куски мяса и тут же бросал их вниз.

– А Канамо? – улыбка тронула бледные губы Бронвен. Эйден потупился, вздохнул и тихо ответил.

– Он был жив все это время. Великий Парра славился умением свежевать людей так, что они оставались в сознании, пока ему это было нужно. На последнем издыхании Канамо испросил у Парра милости и получил её. Ему... ему отрезали голову.

– Верно. А утром к великому Парра явились лидеры мятежников и склонили колена. Парра изгнал их из Эреннии, но то было давно. Сейчас Кагра, наравне с островами Гастана и Алией вошла в состав империи Эренвальд.

– Бронвен? – тихо окликнул сестру Эйден, когда девушка поднялась и направилась к выходу из спальни.

– Что?

– Почему ты меня так ненавидишь?

– Ненавижу? – снова легкая улыбка появилась на бледных губах. – Ненависть – это чувство. Такое же, как любовь. И ненависть, как и любовь, нужно заслужить. Спи. Скоро ты перестанешь мозолить мне глаза и уедешь с отцом в Ларах.

– «Хорошо бы», – подумал Эйден и облегченно вздохнул, когда Бронвен покинула его комнату.

Утром из Лараха вернулся отец. Он вернулся во главе пяти тяжелых телег, которые тянули выносливые алийские жеребцы. Эйден первым выскочил на улицу и, подбежав к улыбающемуся отцу, спрятал лицо у того на груди. От дорожно-

го костюма пахло кислым потом, вином и пылью дорог, но Эйдену этот запах был на удивление приятен. Как и прикосновение тяжелой шершавой ладони к щеке.

Подняв голову, Эйден улыбнулся, но улыбка вышла грустной. Отец постарел, на суровом лице пролегли глубокие морщины, а во взгляде смертельная усталость. Но он не оттолкнул сына. Крепко обнял, похлопал по спине, а потом помахал рукой Бронвен, застывшей на крыльце. Сестра осталась стоять на месте, заставив отца нахмуриться. Но он быстро вернул на лицо привычную улыбку и посмотрел на сына.

– Помоги матери спуститься, – хрипло сказал он. Эйден кивнул и помчался к последней телеге, в которой ехала мать и двое её служанок – Кати и Илана.

– Здравствуй, маленький, – Эйден улыбнулся, услышав тихий и такой родной голос.

– Привет, мам. А я вчера Ани по двору помогал, – похвастался он, вызвав у Кати смешок. Кати ему нравилась. От нее приятно пахло, а еще она умела петь и знала, казалось, тысячи разных песен.

– Да, я наслышана, – усмехнулась Элама и, опершись на руку сына, спустилась с повозки, после чего крепко обняла его. – Небо слышало мои молитвы и сберегло тебя.

– И еще пяток слуг, сгонявших его с крыши, сберегли его, – добавила Бронвен, подходя к ней вместе с отцом. Девушка учтиво поклонилась и добавила. – С возвращением. Легок ли был путь?

– Благодарю тебя, Бронна, – мать поклонилась в ответ. Она давно привыкла к тому, как к ней относится Бронвен, поэтому не удивилась легкому холодку. – Путь был долгим и утомительным.

– Еще и разбойники по южному тракту расплодились, – сплюнул на землю отец и растер плевков сапогом. – Тос их подери. Но Лас был милостив к нам, мы потеряли только троих в одной из стычек. Впрочем, довольно об ужасах дороги. Я устал и хочу есть. В кои-то веки не сушеного мяса и черствого хлеба, а горячего супа и свежего лука. Ани!

– Кожа да кости, Доввен, – проворчала старушка, подходя ближе и всматриваясь в лица. – Пойдем, сынок, пойдем. Будет тебе и суп горячий, и мясо нежное.

Вечером вся семья собралась за одним столом. Ани превзошла саму себя и наготовила столько еды, что хватило бы на десяток человек. Эйден удивленно рассматривал жаренного на вертеле поросенка, лежащего в центре на серебряном блюде. Большую супницу, от которой валил вкусный пар. Горячий хлеб, свежие овощи, жареный и вареный картофель, тушеная репа и пшеничная каша, запеченные в глине гуси и куры, сладкие яблоки и ларахский мед.

Отец покачал головой и, сев на свое место, улыбнулся. Затем, отломил кусок хлеба, сунул его в рот, налил вина в надраенный серебряный кубок и, залпом его осушив, довольно крикнул. После этого к еде приступили и все остальные. Хо-

зьяин всегда пробует еду первым и только потом к ней могут прикоснуться остальные. Таковы эренские обычаи.

– Как продвигаются твои успехи в науках, сын? – спросил отец Эйдена, попутно расправляясь с печеной гусиной ногой. Бронвен поджала губы и метнула в сторону брата недовольный взгляд.

– Вчера я читал о великом Парра, – ответил мальчик. Отец кивнул и довольно улыбнулся. – И о том, как он подавил мятежников Кагры.

– Великая была битва, – кивнул Доввен, искоса смотря на жену. Но Элама не дрогнула, сосредоточившись на еде. – Как успехи в счете?

– Мастер Тео отлупил его розгами, – усмехнулась Бронвен и тут же добавила, заметив, что отец нахмурился. – Впрочем, порка оказалась целебной. Счет ему дается лучше, чем история.

– Отрадно слышать, – вздохнул отец и, расстегнув тяжелый пояс, сыто рыгнул. – Ани, отнеси слугам трех гусей.

– Ого, – удивился Эйден, вызвав у отца улыбку.

– Запомни, сын. Если твои слуги сыты, то и дом будет процветать, – он налил себе еще вина и откинулся на стуле. – Я неспроста покинул Ларах, как ты уже понял. Однажды в конце лета Лас наградил меня сыном. Пришло время оставить детские забавы, Эйд, и повзрослеть.

– Ты забереешь меня с собой, отец. Я готов и буду учиться купеческому делу усердно, как и подобает сыну купца, –

кивнул Эйден. Отец снова улыбнулся.

– Да. Ты начнешь с того же, с чего когда-то начал я. С чего начинал мой отец, и отец его отца. Нельзя стать великим купцом, не узнав изнанку дела. Не надорвав спину, таская тюки с товарами, не срывая голос в спорах с торговцами и не отказываясь от сна, чтобы заполнить счетные книги... – он не договорил, увидев, что Бронвен встала из-за стола. – Сядь, дочь.

– Мне нездоровится, отец, – упрямо мотнув головой, ответила она. В голосе уже не холодок, а настоящий лед. – Прощу, позволь мне закончить ужин раньше.

– Хорошо, – проворчал Доввен и, проводив дочь, вздохнул. – Вся в мать. Ладно, говорил я о другом. Готовься, Эйд. Через три дня мы отбудем в Ларах.

– Да, отец, – снова кивнул Эйден. Только в этот раз радости в его голосе не было. Доввен налил себе еще вина и задумчиво посмотрел на сына.

Последующие дни прошли в сборах. Слуги загружали телеги мясом и овощами, фруктами и сладостями, сахаром и мукой. Громко лаяли собаки, норовя влететь кому-нибудь в ноги, а отец проводил вечера, заполняя счетные книги. Эйден давно уже собрался и частенько бесцельно слонялся по двору. На душе было и радостное волнение от путешествия в Ларах, и легкая грусть, что придется покинуть дом. Зато мать будет рядом, а Бронвен перестанет его поколачивать,

когда никто не видит, за малейшую провинность. Сестру он видел теперь нечасто. Она завтракала и, не дождавшись, пока доест отец, уходила. Поначалу это заставляло Доввена хмуриться, но Элама что-то шепнула ему на ухо, и он махнул рукой на странное поведение дочери.

В последнюю ночь Эйдену не спалось. Он долго ворочался в кровати, несколько раз вставал, чтобы попить воды, и грустно слонялся по комнате, то и дело бросая взгляд на свой дорожный мешок и приготовленный старой Ани выездной костюм, состоящий из коричневых брюк, теплой рубахи и куртки с вышитым на груди знаком купеческой гильдии, в которой состоял отец. Когда дверь в спальню скрипнула, Эйден подумал, что Ани пришла проверить, спит ли он, но мальчишка удивился, увидев стоящую в дверях Бронвен.

Сестра была одета не в привычную ночную сорочку, а в свой любимый костюм. Бледные губы улыбались, а в глазах не было льда, что заставило Эйдена удивиться. Бронвен неловко хмыкнула, подошла ближе и положила руку брату на плечо.

– Решила попрощаться с тобой. Кто знает, когда ты вернешься, – тихо сказала она. – Может к зиме, а может раньше.

– Я буду скучать, – так же тихо ответил Эйден, заставив её рассмеяться.

– Врать ты так и не научился, – она вздохнула и, поджав губы, добавила. – Знаю, что мы не особо ладили, но я считаю, что прощаться в дурном настроении – это плохо. К тому же

сегодня ночь, когда ты родился, а я как-то не баловала тебя подарками.

– Подарками? – глаза Эйдена округлились. Бронвен кивнула.

– Да. Есть у меня для тебя подарок. Одевайся и пошли.

– Куда?

– Подарок рядом со старым амбаром, – улыбнулась сестра. – Впрочем, можешь лечь спать. Утром заберешь.

– Нет! Я пойду, – перебил её Эйден и бросился одеваться.

На улице было холодно. Змеился по влажной траве туман, негромко брехали собаки, услышав посторонний шум. У ворот виднелся Ставт – отцовский конюх, проверявший лошадей перед поездкой. Остальные слуги спали, как и все поместье.

Бронвен прижала палец к губам и махнула рукой, приглашая Эйдена следовать за ней. Мальчишка, чьи глаза горели от возбуждения, кивнул и, пригнувшись, бросился за сестрой. Старый амбар находился на окраине подворья, Доввен давно собирался его снести и построить новый, но постоянно об этом забывал, отвлекаясь на купеческие дела. Эйден любил лазить в старом амбаре. Там пахло прелым сеном и мышами, а еще можно было спокойно спать, не боясь, что тебя найдет Бронвен или старая Ани. Но сейчас он бежал туда не для того, чтобы спать. Маленькое сердце радостно билось в ожидании подарка.

Бронвен, прячась в тени, скользила от одной постройке к другой, пока наконец не добралась до амбара. Шикнула Эйдену, призывая и его укрыться в темноте, после чего осмотрелась и, улыбнувшись, тихонько свистнула. Через несколько мгновений послышался ответный свист и сердце Эйдена забило сильнее. Неужели сестра решила подарить ему собственную лошадь? А может это статный каградский жеребец, как у отца?

– Иди, он ждет, – лукаво улыбнулась Бронвен, подталкивая брата в спину. Мальчишка кивнул и завернул за угол. Затем оторопело посмотрел на огромную тень, стоящую у забора. Удивиться Эйден не успел, потому что на затылок обрушился удар и в глазах потемнело.

Очнувшись, он понял, что крепко связан, во рту привкус старой кожи, а одежда мокрая, потому что его бросили на влажную траву. Изогнувшись, мальчик смог повернуть голову и увидел, что неподалеку стоят две темные фигуры. Одна из них была маленькой и хрупкой. Бронвен. А вторая огромная, вонючая и ужасная.

– Как договорились, – в голосе сестры знакомый лёд. Эйден попытался пошевелиться, но веревки, которыми его связали, лишь сильнее впились в кожу, причинив боль.

– Восемь медяков, девица, – у огромного и ужасного даже голос был под стать. Хриплый, низкий и злой. – И не медяка больше. Слишком он мелкий и тощий.

– Идет, – изобразив раздумье, ответила ему Бронвен. Она повернулась в сторону Эйдена и понизила голос, но он услышал. – Проснулся.

– Не бойсь. Никуда он не денется, – усмехнулся огромный мужчина. Луна, появившаяся из-за туч, осветила его лицо и не будь рот Эйдена заткнут кожаным кляпом, он бы закричал. Мужчина был огромным, косматым и уродливым. У него не было носа и вместо него на лице зияла дыра. Правый глаз закрыт мутной белой пленкой, а левый колючий и злой. Губы толстые, слюнявые, изгибаются в паскудной ухмылке. Но пугал он только Эйдена. Бронвен спокойно стояла рядом, пересчитывая монеты, полученные от мужчины. Закончив считать, она кивнула и улыбнулась. Затем подошла к брату и опустилась на корточки. В глазах привычный лед и равнодушие, но Эйден углядел и радость.

– Прощай, братец. Видишь, как и обещала, я дарю тебе подарок. Такой, какой заслуживает маленький и глупый Эйд. Куда вы отправитесь, Эрик?

– В Кагру, – хрипло ответил мужчина, подходя ближе. От него несло потом и дерьмом, но Эйден так перепугался, что запахи перестали для него существовать. – По южному тракту от Лараха. Осень и зиму мадам предпочитает проводить в тепле.

– Счастливого пути, – улыбнулась Бронвен, убирая деньги в карман. Она на миг задумалась, еще раз посмотрела на связанного брата и, развернувшись, отправилась к дому. Эйден

замычал, когда огромная ручища Эрика схватила его и закинула себе на плечо, словно гуся. Мужчина откашлялся, мотнул безобразной головой и, перемахнув через забор, скрылся в лесу.

Бежал он быстро и совершенно не заботился о том, удобно ли его ноше. Эйден не видел ничего, кроме спины Эрика и редких ветвей деревьев, бьющих по лицу. Хорошо хоть кляп ослабили, и он не захлебнулся, когда желудок скакнул к горлу и его вывернуло. Эрик злобно засопел, но как бежал, так и продолжил бежать вперед. От вони носильщика слезились глаза, желудок болел, еще и голова была тяжелой, словно в неё раскаленного металла налили и оставили остывать.

Эрик остановился лишь на рассвете, когда небо на востоке начало алеть. Остановился, шумно прочистил горло и сплюнул. Затем снял Эйдена с плеча и бросил рядом с плешивой ивой. Мальчишка замычал от страха, увидев потухший костер и кучу костей рядом с ним, но Эрик на его стоны не обратил внимания. Его безумный глаз снова завращался в глазнице, а потом на губах появилась ехидная усмешка. Мужчина нырнул в ближайшие кусты и, не успев Эйден удивиться, как он вытащил из зарослей еще одного мальчугана. Тот тоже был связан, во рту кожаный кляп, но в отличие от Эйдена, мальчик смотрел на Эрика без страха. В голубых глазах плескалась одна лишь ярость. Мальчишку он бросил рядом с Эйденем, вытащил кляпы из их ртов и вернулся к костру,

рядом с которым лежал дорожный мешок.

– Ты воняешь, как обосратый, жалкий и никчемный бродяга, – злобно заявил незнакомый Эйдену мальчишка. Остроносый, волосы светлые, а глаза голубые, как летнее небо. – И на спине у тебя блевотина.

– Скажешь еще слово, и я оторву тебе башку, – буднично проворчал Эрик, не слишком-то уж обращая внимания на обидные слова. – Мадам Анже не будет против, если вместо двух рабов я доставлю ей только одного.

– Мадам Анже? – удивился мальчишка. – Цирк мадам Анже?

– Он самый, сопляк. Единственный в своем роде и неповторимый. А теперь заткнись, иначе вместо жратвы снова получишь по зубам.

– По зубам я уже получил, – улыбнулся он, повернувшись к Эйдену. Тот увидел, что у второго пленника не хватает двух передних зубов. – Тебя как звать?

– Эйден.

– Лёфор, – представился мальчишка и кивнул в сторону ворчащего мужчины, который разводил костер. – А это Эрик Безносый. Он же Вонючий и Тупорылый.

– Лёфор... а, что мы здесь делаем? – осторожно поинтересовался Эйден. Мальчишка ему нравился. Он не боялся огромного Эрика и вел себя так, словно все это шутка.

– Слышал про мадам Анже? – вопросом на вопрос ответил Лёфор. Когда Эйден мотнул головой, он сдул с лица длин-

ную грязную челку и снова улыбнулся. – Наверное ты сынок какого-нибудь барончика, да?

– Мой отец – купец, – гордо ответил Эйден, заставив Лёфора рассмеяться.

– Ну, сейчас мы с тобой одного поля ягоды. Короче, мадам Анже владеет цирком. Знаменитым, дружище Эйден. Просто так в этот цирк не попасть. И я сейчас не о представлении говорю. Сам увидишь, когда время придет.

– Жрите, – буркнул Эрик, подходя к ним и бросая на траву два ломтя хлеба и кусок сыра.

– Мы бы с радостью, Эрик, да руки связаны, – ехидно ответил Лёфор. – А ногами, как ты, я жрать еще не научился.

Вместо ответа Эрик развязал руки Эйдену и кивнул в сторону Лёфора.

– Он тебя покормит. А надумаете бежать, догоню и оторву башку.

– Это мы уже слышали, – зевнул Лёфор и повернулся к Эйдену. – Сунь мне в рот кусок хлеба, дружище. Не жалея, пасть у меня большая. Ты тоже не теряйся, ешь. Эрик ждать не будет.

– Хорошо, – кивнул мальчик и откусил кусок хлеба. Хлеб оказался черствым и жестким, но после гонки по лесу, есть хотелось невероятно, поэтому Эйден принялся молча жевать, прерываясь, чтобы покормить Лёфора, который жрал так, что за ушами трещало. – А как ты... ну, оказался здесь?

– Колбасу тиснул, – просто ответил Лёфор. – Дай сыр.

Ага...

– Колбасу?

– Колбасу. В Рамайне самая вкусная колбаса, дружище Эйден, – усмехнулся он. – А я ходил, как тень. Желудок к позвоночнику прилип. Жрать хотелось, мама моя. Ну и иду я мимо торговых рядов, а там колбасу продают. Копченую, с перцовой посыпкой, вареную и вяленую... Запах такой, что голова кругом. Ну я и тиснул палку копченой, да по сторонам не посмотрел. Только кусочек откусить успел, как меня по шее и в яму. В Рамайне с ворами строго. Либо в рабство, либо на копи. Вот в яме этот вонючка меня и нашел. За пять медяков сторговался. А ты-то тут что забыл?

– Не знаю, – честно ответил Эйден. – Сестра мне подарок обещала...

– Продала, значит. Хорош подарок, – серьезно ответил Лёфор. – Видать сильно ты ей поперек горла-то встал, а? Ладно, дружище Эйден. Где наша не пропадала. Эрик, а вода нам не положена? Во рту после твоего сыра будто мыши срали.

– На! – отмахнулся Эрик, бросая в их сторону меха с водой. Эйден вытащил пробку и дал напиться Лёфору, после чего и сам сделал пару глотков. Вода была теплой и противной, на вкус отдавала болотом, но сейчас он был благодарен и такой воде.

– Вот, – улыбнулся Лёфор. – Румянец на щёки вернулся. Еще б табаком разжиться.

– Мечтай, – проворчал Эрик, подходя к ним и забирая меха. Он наклонился и отвесил мальчишке подзатыльник, после чего гадко рассмеялся. – Мадам Анже таких на раз ломает. Видали, парнишка. После первой ночи весь гонор слетает, а спесь в жопу забивается, как белка в дупло.

– Моя спесь слишком жирная. Не пролезет, – буркнул Лёфор. Эрик не стал его снова бить, лишь сунул в рот кожаный кляп. Затем точно так же поступил с Эйденем и оттащил мальчишек в заросли.

Вернулся он в полдень. Вместе с телегой, запряженной рамайнским осликом, серым, как мышь, но способным тащить любой груз, и с двумя собаками – здоровенными алийскими псами, которые не отходили от него ни на шаг. Первым из кустов Эрик вытащил Лёфора и, не церемонясь, швырнул его в повозку, закидав сверху грязным тряпьем и пустыми мешками. Затем пришел черед Эйдена, но с ним Эрик вел себя поласковее.

– Орать будете? – спросил он и усмехнулся, увидев синхронное мотание двух голов. Затем вытащил изо рта кляпы и бросил их рядом с мальчишками. – Пискните хоть раз и дальше поедете в мешках.

– Ты очень добр, Эрик, – ехидно ответил Лёфор. Впрочем, он был рад, что избавился от кляпа, как и Эйден.

– Как звать тебя, малец? – спросил Эрик, повернувшись к Эйдену. В руках он держал бумагу с жирной печатью и са-

мописное перо.

– Эйден Мордред.

– Откликаться будешь на Эйдена Годолфи, понял? – буркнул он, записывая что-то на бумагу.

– Да, – тихо ответил Эйден.

– Сначала доберемся до Древа ночной жизни, там дождемся мадам и двинем дальше, – кивнул Эрик и снова паскудно улыбнулся, кивнув в сторону двух псов, запрыгнувших в повозку. – Знаешь, что это за порода?

– Алийские волчарники, – ответил за Эйдена Лёфор.

– Верно, парнишка. Крона и Лира их звать. Щелчка пальцев хватит, чтобы они разорвали вам глотки и всласть напились крови. Смекаете?

– Да, – кивнули мальчишки.

– Охранять! – бросил псам Эрик, и Эйден попятился, когда черная сука с внушительными клыками уселась напротив него. Стоило немного пошевелиться, как собака начала рычать, поэтому Эйден забился в угол телеги, поближе к Лёфору, который тоже не был против такого соседства.

– Злые, что родители Ганики, мельниковой дочки, – фыркнул он, с трудом устраиваясь поудобнее. – Эрик, может развяжешь?

– Мечтай в одну руку, сри в другую. Там увидишь, какая быстрее наполнится, – сплюнул на землю Эрик. Затем, чуть подумав, снисходительно добавил. – Будете вести себя тихо, развяжу. А надумаете бежать... Лира, заяц!

Черная сука, сорвалась с места и исчезла в кустах, откуда послышался писк, а потом хруст разрываемого мяса. Произошедшее заняло один удар сердца и побледневший Эйден увидел, как собака вылезает из кустов с окровавленной мордой, неся в пасти растерзанного зайца. Эрик довольно хмыкнул, похлопал широкой ладонью по борту телеги и, когда собака запрыгнула, забрался на место возницы. Затем легонько стеганул ослика и телега, скрипнув, двинулась.

– Таким палец в рот не клади, дружище Эйден, – тихо заметил Лёфор, задумчиво рассматривая сидящую напротив него Лиру, из пасти которой ему на ногу капала заячья кровь.

Эрик не соврал и к исходу второй ночи все-таки развязал им руки, оставив связанными ноги. Впрочем, и за это Эйден был ему благодарен. Лёфор, конечно, поворчал, но поймав ледяной взгляд Эрика заткнулся.

Ехали они почти без остановок, минуя деревни на пути. Изредка Эрик прятал телегу в лесу и, оставив с мальчишками собак, уходил за припасами. Возвращался всегда сверху набитым мешком, в котором помимо хлеба и сыра, лежали меха с вином. Лёфор попытался воззвать к доброте Эрика и попросил немного вина, но получил подзатыльник и лишился ужина. Эйден спрятал в сапог кусок хлеба и, пока Эрик не видел, сунул его Лёфору. В голубых глазах блеснуло признание, а тонкие губы тронула благодарная улыбка. Эрик, если и заметил это, предпочел не вмешиваться. Ему

было плевать, что свою порцию Эйден отдал второму пленнику.

Трижды их останавливали конные патрули герцогов тех земель, через которые они проезжали. Но Эрик протягивал им бумагу с печатью и патруль сразу отпускал их. Естественно, любознательный Лёфор не мог не спросить о том, что это за бумага, а Эрик, к удивлению Эйдена, поворчал и ответил.

– Купчая на двух рабов, – ответил он. – Без купчей сразу вопросы бы возникли. Что за мальцы, почему связаны, куда едут. С моей рожей уж точно вопросов много было бы.

– А мы рабы? – тихо спросил Эйден, заставив Эрика рассмеяться. К нему присоединился и Лёфор.

– Рабы, парнишка, – усмехнулся Эрик, правя телегой. – Тебя за восемь медяков купили, этого доходягу за пять. Знал бы, что язык у него без костей, пару монет бы скинул. Но мадам Анже быстро таких ломает. Шептуна пустить не успеет, как шелковым станет.

К началу четвертой ночи путники достигли Древа ночной жизни. У Древа всегда было многолюдно. Там постоянно звучал веселый смех, рекой лилось вино и эль, велись разговоры на разных языках, пелись веселые трактирные песенки и грустные, щемящие душу, баллады забытых бардов. Хмурые эрены, выносливые эмпейцы, хитрые алийцы, смуглые жители Кагры, воинственные гастанцы – у корней Древа ночной жизни каждый находил приют на ночь, а утром, как и все

остальные, уходил по одной из четырех дорог. На север, юг, запад или восток. Пустела большая площадка под великим Древом, пока ближе к вечеру, под его ветвями не находили приют другие люди. Бедные и богатые, грустные и веселые, злые и добрые. Идущие своей дорогой.

Древу ночной жизни было очень много лет. Давным-давно умерли те, кто посадил семя, из которого на свет появился первый, слабый росточек Древа. Менялись названия стран, языки жителей, короли и королевы. Только Древо оставалось неизменным и все так же давало под своей кроной приют людям, идущим своей дорогой. Даже безжалостные убийцы не смели нарушить древний закон и спокойно ели и пили рядом с тем, кого им предстояло убить на следующий день. Здесь все были друзьями. Но только на одну ночь.

– Приехали, – проворчал Эрик, подъезжая к врытой в землю коновязи. Он спрыгнул с телеги, привязал лошадей и повернулся к собакам. – Охранять!

– Да куда мы денемся, – буркнул Лёфор, устав трястись в телеге. Больше всего на свете ему и Эйдену хотелось пройти по мягкой траве, побегать и попрыгать, но два алийских волчарника внимательно следили за пленниками. Когда Эрик вернулся, Лёфор развлекал себя тем, что дразнил Крону: он легонько дергался, заставляя рыжую суку скалить зубы и рычать. Эйден, не шевелясь, сидел в уголке телеги и, обхватив колени, думал о доме. Хватился ли его отец? Пла-

кала ли мать? Что сказала родителям Бронвен? Бронвен... Эйден пока не понимал, за что сестра так с ним поступила.

– Слушать меня, – негромко произнес Эрик. Эйден с Лёфором тут же повернулись в его сторону. – Я сниму ваши путы, потому что у Древа нет места насилию и крови. Но если один из вас сбежит, я пушу по его следу собак. Поверьте, пока вы под защитой Древа, вам ничего не грозит. Но стоит только оказаться вдали от него, как... – он красноречиво провел большим пальцем по горлу. – Ясно?

– Да, – кивнули мальчишки. Эрик довольно хмыкнул и ловким движением распутал их веревки. Эйден так и не понял, как он завязал хитрый узел и как развязал его, а вот в глазах Лёфора блеснуло веселье.

Этой ночью у дерева было не так много народу. Эйден заметил трех гастанцев, сидящих на корточках возле костра, над которым весело булькал большой котел. Напротив, эрены. Мужчина, женщина и две девочки, напомнившие Эйдену о собственной сестре. Один бородатый каград, сидящий в сторонке с курительной трубкой в руках, и два рыжеволосых алийца, весело болтающие с тремя эмпейцами.

Когда мальчишки подсели к костру вместе с Эриком, один из гастанцев вытащил из мешка три деревянные тарелки, а второй их наполнил густой и ароматной похлебкой. Третий сунул им в руки ложки и дал по куску поджаренного на костре хлеба, но Эйден и за это был благодарен. После сухарей и сыра, которыми их потчевал Эрик, похлебка напомнила о

доме и стряпне старой Ани. Глаза против воли предательски заблестели, но Эйден быстро вытер их и, уткнувшись в свою тарелку, принялся молча поглощать похлебку.

– Ты не похож на каграда, но кожа у тебя смуглая, – сказал бородатый мужчина, присаживаясь на бревно рядом с Эйде- ном. Эрик исподлобья на него посмотрел, но в итоге вернул- ся к похлебке.

– Моя мать из Кагры, господин, – ответил Эйден, скольз- нув взглядом по богатому одеянию каграда и кривой сабле на поясе, которой пользовались только жители Кагры.

– Полукровка, значит, – улыбнулся мужчина и приложил ладонь к груди, после чего сжал руку в кулак и поднес его ко лбу. Эйден поступил аналогично, только вдобавок оттопы- рил указательный палец, заставив мужчину улыбнуться еще шире. – Не часто встретишь того, кто знает наше привет- ствие.

– Он не полукровка, а раб, – проворчал Эрик, которому надоело сидеть молча. Лёфор презрительно фыркнул в от- вет, но от подзатыльника его спасло лишь то, что Эрик со- средоточил внимание на бородатом каграде.

– Раб он или не раб, но в нем течет кровь Кагры, – усмех- нулся мужчина и склонил голову. – Меня зовут Роэлл Шейм- нит. Зельевар из Кагры.

– Эрик из Коксли, – буркнул в ответ мужчина, но протя- нутую руку проигнорировал.

– Работорговец?

– Циркач, – широко улыбнулся Эрик, снимая повязку, прикрывающую нос. Каград, приоткрыв рот, отпрянул. Красотой улыбки Эрик не обладал, в этом Эйден успел убедиться, а отсутствие носа лишь добавляло красок жуткой маске, в которую превратилось лицо мужчины. – Что? Не нравится?

– Ты из цирка мадам Анже, – тихо ответил Роэлл. – Да?

– Верно, бородач. Там-то я носа и лишился, зато с ножами сумел совладать, – кивнул Эрик. Он поднял голову, услышав серебристый звон колокольчиков, и поднялся с бревна. – Приятно с тобой поболтать, но мне надо встретить мадам.

К коновязи, где уже стояла телега Эрика, подъехал небольшой фургон, который тянули крепкие эмпейские жеребцы. Эйден видел лошадей отца, а эти были сущими гигантами по сравнению с ними. Но удивило его другое. Из леса за фургоном на других лошадях выехали странные люди. Высокие, мускулистые, все в разноцветных обтягивающих одеждах. Лица суровы, губы поджаты, а глаза настороженно осматривают всех, кто нашел сегодня приют у Древа ночной жизни.

Эрик подбежал к остановившемуся фургону и замер у двери, как послушная собачонка. Эйден и Лёфор удивленно переглянулись, однако продолжили внимательно наблюдать за странным шествием. Дверь фургона открылась и в проеме появилась высокая, статная женщина в бежевой мантии. Она была белокура, белокожа и обладала острыми чертами лица.

Но стоило Эйдену встретиться с ней взглядом, как он тут же потупился, увидев в черных глазах лед и презрение.

– Мадам Анже, – тихонько шепнул Эйдену на ухо Лёфор. Затем гаденько усмехнулся и накрепко ноги, готовясь сорваться с места в одну секунду. Правда моментально передумал, услышав за спиной знакомое вибрирующее рычание. Обернулся и грустно посмотрел на Крону, не сводившую с него злобного взгляда. – Проклятые шавки. Нет бы кости мусолить...

– Глупо бежать сейчас, – подал голос Эйден. – Они на лошадах. Еще и собаки.

– Верно, дружище Эйд, – хмыкнул мальчишка, проигнорировав, как скривился Эйден. – Ничего, еще будет шанс. Вот удивишь. И я его не упущу.

– Доброй ночи, уважаемые, – манерно произнесла мадам Анже, подходя к костру. Эрик, семенящий за ней, тащил в руках резной стул с мягкой подушкой, который тут же поставил рядом с бревном. – Позвольте угостить вас добрым элем и порадовать душу представлением.

– Благодарим, госпожа, – поклонился ей эрен, закрывая собой жену и дочерей. Его жест вызвал у хозяйки цирка презрительную усмешку.

– Не стоит так бояться за своих женщин. Мы – артисты, а не насильники.

– По крайней мере, сегодня, – мрачно добавил Эрик, занимая место позади мадам Анже. Остальные циркачи уже

подкатывали к костру бочки с элем, а кто-то из них принялся жонглировать разноцветными шариками. Люди немного успокоились и скоро рядом с Древом снова послышался мерный гул праздных разговоров.

– Таков твой улов, Эрик? – пользуясь моментом, спросила мадам Анже и повернулась в сторону мальчишек. Она прищурила глаза и надменно улыбнулась, после чего взмахнула рукой. – Встань, мальчик.

– Госпожа, – тихо ответил ей Эйден. Женщина поцокала языком и улыбнулась.

– Мадам. Мадам Анже, мальчик.

– Простите, мадам Анже.

– Уже лучше. Повернись, – скомандовала она. – Худенький, руки и ноги длинные. Как думаешь, Калле, получится из мальчонки акробат?

– Еще молод, мадам. Растянуть и вполне, – откликнулся высокий, жилистый мужчина в черно-белых штанах. В его левом ухе блестело золотое колечко, а когда он улыбался, Эйдену казалось, что он смотрит на змею. Змею, готовую его сожрать, как только мадам Анже отвернется.

– Встань, мальчик, – она повернулась к Лёфору. Тот рывком поднялся с бревна и сделал сальто, заставив её сухо рассмеяться.

– Грубовато, но неплохо.

– Я много в чем неплох, мадам, – сверкнул оставшимися зубами Лёфор. Эрик за спиной мадам Анже тяжело завор-

чал, но она мягко подняла руку, и он умолк.

– Вижу. Язычок твой так и норовит ужалить, несмотря на жизненный опыт.

– Наша жизнь – игра, мадам. От игры нужно получать удовольствие.

– Калле... – небрежно обронила она. Высокий циркач подошел к притихшему Лёфору и бесцеремонно поднял его руку. Затем пощупал мускулы, потрогал ногу и удовлетворенно хмыкнул.

– Гибкий, госпожа. Мускулы еще не заостенели. Размять, растянуть и будет колеса хоть всю ночь крутить. С клинком умеешь обращаться, малец?

– Дай мне один и я покажу, чего стою, – оскалился Лёфор. Эйден покачал головой, не одобряя вспыльчивость собрата по несчастью, но промолчал. К его удивлению, Калле кивнул и ловким движением вытащил из-за голенища сапога метательный нож, который бросил к ногам Лёфора. Того спрашивать долго не пришлось. Он схватил клинок, подкинул в руке, а потом резко и без предупреждения швырнул его обратно. На миг Эйдену показалось, что циркач не успевает уклониться. Он отвел взгляд, но звука упавшего тела не услышал, а когда рискнул посмотреть, то увидел, что Лёфор с отвисшим ртом смотрит на Калле, который задумчиво подбрасывал в руке нож и смотрел на мальчугана.

– Запомни, малец. У Ночного Древа нельзя проливать чужую кровь без нужды, – тихо сказал он и, улыбнувшись, до-

бавил. – Я позанимаюсь с тобой отдельно. Ты научишься метать ножи.

Эйдена от его голоса пробрал мороз, но Лёфор так и продолжил стоять, с вызовом глядя на Калле. Мадам Анже довольно улыбнулась и повернулась к Эрику.

– Хороший улов, дорогой.

– Благодарю, мадам, – неожиданно покраснел тот. – Если мадам позволит, я покину вас утром. Меня ждут еще двое близ Эмпеи.

– Хорошо, Эрик. Постарайся вернуться до холодов. Мы отправимся в Кагру через одну луну и ждать не будем.

– Да, мадам.

Пока все остальные циркачи веселились и развлекали нашедших приют у корней Древа, мадам Анже удалилась в свой фургон в сопровождении Калле. Лёфор, проводив его взглядом, фыркнул, после чего лениво зевнул.

– Зачем ты его провоцировал? – спросил Эйден, заставив мальчишку рассмеяться.

– Так надо, дружище Эйден. Уличный закон гласит: найди самого сильного в стае и заставь его тебя бояться.

– Он тебя не боится.

– Это пока, – снова зевнул Лёфор и, свернувшись, калачиком около бревна, пробормотал. – Спи, Эйд. Что-то мне подсказывает, в ближайшие ночи нам спать не дадут.

– Почему? – искренне удивился Эйден. Лёфор раздражен-

но на него посмотрел, но увидев, что мальчишка не шутит, приподнялся на локтях.

— Если ты и правда сын торговца, то знать не знаешь, каково это — добывать себе еду на улицах. Не знаешь, что такое голодные стаи оборванцев, которые за свежую булку убьют тебя и даже не поплачут над твоим истерзанным трупом. Там все животные, дружище Эйд. Побеждает самый сильный. И здесь, мне думается, так же. Будешь слабым и трусливым, тебя сожрут. Так что спи. Или не мешай спать другим.

Но уснуть Эйден не смог. Слова Лёфора отгоняли сон сразу же, стоило только вспомнить о них. Теперь на мускулистых циркачей, храпящих рядом с фургоном мадам Анже, мальчишка смотрел с ужасом, а воспаленное воображение рисовало ему страшные картины.

Утром Эйдена разбудили пинком в живот. Пока он откашливался и ловил ртом воздух, хмурый циркач, у которого косой шрам шел от правой брови до подбородка, безразлично на него смотрел. В итоге ему это надоело. Он схватил мальчишку за шкирку, как бездомного щенка, и потащил к лошадям. Так же беззвучно и безразлично закинул ближе к передней луке седла, а сам сел сзади. Эйден увидел Лёфора, который ободряюще ему улыбнулся. Сам Лёфор ехал вместе с Калле, а на лице мальчугана расцветал лиловый синяк. Не иначе разбудили так же, как и Эйдена.

Лошади тронулись следом за фургоном мадам Анже. Эй-

ден кисло улыбнулся и помахал рукой Эрику, который задумчиво провожал их взглядом. На миг ему показалось, что безносый здоровяк ему тоже улыбнулся. А потом его скрыли густые ветви деревьев.

Сидеть спереди было неудобно. Седло натирало и Эйден принялся елозить, пока не получил оплеуху от своего сопровождающего. От него пахло потом и злобой, поэтому мальчишка замер, стараясь не провоцировать циркача. Спереди послышалась ругань и звук шлепка. Лёфор тоже получил свою порцию любви от Калле.

Остановились они лишь раз, но вместо отдыха Эйден и Лёфор вместе с Калле и еще одним циркачом отправились в чащу леса. Калле остановился около крепкого дуба и кивнул на ветви, после чего хрипло добавил:

– Повисли на руках.

– А можно... – нагло перебил его Лёфор и тут же полетел на землю, получив кулаком по скуле.

– Говорить будешь, когда я разрешу, – хмуро ответил Калле и выразительно посмотрел на Эйдена. Мальчишка вздохнул и подчинился. Он забрался по стволу наверх, схватился за ветку и повис. Ноги лишь немного не доставали до земли, но легче от этого не становилось. Спустя пару мгновений рядом с Эйденем повис и Лёфор, получивший в подарок к синяку под глазом еще один кровоподтек.

Сперва начали ныть плечи. Боль тупая, а потом резкая, словно кто-то втыкал в мышцы иголки. Затем свело шею и

верх спины. Следом заболели предплечья и у Эйдена заныли пальцы. На лбу выступил пот, а губы пересохли. Калле подошел ближе, склонил голову и гадко усмехнулся.

– Тяжело, малец?

Эйден промолчал и, судя по улыбке циркача, поступил правильно. А вот Лёфор, как обычно, решил выделиться.

– Тяжело? – спросил его Калле.

– Сам как думаешь? Легко на земле стоять и скалиться.

– Убрал одну руку, – скомандовал циркач и скрежетнул зубами. Лёфор нехотя отпустил руку. Теперь он болтался над землей на одной руке. Его лоб тоже покрывал пот, а мышцы неприятно дергались под тонкой кожей. Побелевшие пальцы задрожали, но Лёфор закусил губу до крови и с яростью посмотрел на Калле. Тот улыбнулся и вытащил метательный нож, который подставил снизу. Если мальчишка отпустит руку, то приземлится грудью на лезвие. – Тяжело?

Лёфор промолчал, пытаясь сосредоточиться на хвате. Дерево было шершавым, но ладонь вспотела и удержаться мальчишке было сложно. Калле равнодушно следил, как он извивается, а потом хохотнул, когда пальцы разжались и Лёфор рухнул на землю. Нож циркач убрал в последний момент. Причем Эйдену показалось, что Калле сделал это очень неохотно.

– Слезай, – скомандовал он, повернувшись к Эйдену и кивнул, когда мальчик спрыгнул на землю и застонал. Плечи и спина с непривычки ныли, а руки тряслись, словно он весь

день копал землю. Калле удовлетворенно хмыкнул, скинул дорожный мешок и, вытащив из него краюху хлеба и кусок сыра, бросил все под ноги мальчишкам. – Ешьте.

– Я его зарежу, – с ненавистью произнес Лёфор, когда Калле и второй циркач отправились к лошадям. Эйден промолчал и, схватив кусок хлеба, жадно вгрызся в него зубами.

К исходу дня фургон мадам Анже углубился в лес. Закат не успел догореть, как путники добрались до лагеря. Эйден не сдержал удивленного возгласа, увидев разноцветные шатры, разбитые на лугу, и множество огней. Это повеселило его хмурого сопровождающего. Он спустил мальчишку вниз и следом прыгнул сам.

– Пошли, – коротко приказал он. Эйден подчинился. В отличие от Лёфора он предпочитал молчать и делать то, что ему говорят.

– Простите, господин, – набравшись смелости, обратился к нему Эйден. Циркач нахмурился, но кивнул, разрешая говорить. – Где мы находимся?

– В цирке мадам Анже, малец. Ты дурной, что ли? – нехотя ответил тот. Будь на месте Эйдена Лёфор, здоровяк бы влепил тому пощечину и промолчал, но Эйден вел себя тихо всю дорогу и своего сопровождающего не доставал. За это даже получил яблоко.

– Спасибо, господин. А далеко это от Лараха?

– Сбежать надумал? – рассмеялся циркач и, склонившись

над мальчиком, серьезно добавил. – Не вздумай. Видел псов Эрика?

– Да, господин.

– Бут.

– Простите...

– Никакой я тебе не господин. Зови меня Бут. Видел псов Эрика?

– Да.

– Таких тварей у мадам Анже много. Они любят играть, малец. Сначала перегрызут тебе сухожилия на ногах. Потом откусят яйца. А когда ты начнешь сходить с ума от боли, разорвут горло. Если ты каким-то чудом выживешь после встречи с ними, то Вильям Волосатый с тебя стонит спесь. Потом будешь сожалеть, что собаки тебя не догнали. Усек?

– Да, гос... Бут.

– Пошли. Отведу тебя к остальным бедолагам.

Они прошли через весь цирк. Изредка Бут останавливался, чтобы перекинуться со знакомыми парой слов. Дважды ущипнул за задницу двух стройных девушек, пробежавших мимо. Одна из них влепила Буту пощечину, но тот рассмеялся, заставив девушку рассмеяться тоже. И лишь когда Эйден с непривычки натер ноги, они добрались до полинялого шатра, рядом с которым, сидя на траве, курил длинную трубку высушенный, словно шмат вяленого мяса, чернокожий старик-гастанец. Эйден робко улыбнулся, увидев рядом

с шатром Калле и Лёфора. Вид у мальчишки был обиженный и он исподлбоя смотрел на своего сопровождающего, пока тот о чем-то говорил со стариком.

– Это Гэймилл, – вместо приветствия сказал Калле, смотря на старика. – Он найдет вам места для ночлега и ужин. На восходе Бут заберет вас и начнется обучение.

– Обучение чему? – недовольно спросил Лёфор. Калле неприятно улыбнулся и, положив ладонь ему на плечо, больно сдавил пальцами.

– Цирковому искусству, щенок. А теперь, брысь! Пока я тебе зубы не выбил и в жопу их не запихал.

Молчаливый Гэймилл поднялся с земли и махнул рукой, призывая мальчишек двигаться за ним. Затем потянул на себя тяжелый полог и пропустил их в шатер. Но стоило только войти, как Эйден увидел два десятка настороженных глаз, внимательно осматривающих его и Лёфора. В шатре не было взрослых. Только дети разных возрастов. Кто-то сидел на голой земле, мусоля во рту сухарь. Кто-то спал, свернувшись калачиком на мешке, набитом сеном. Кто-то бесцельно смотрел в пустоту стеклянными глазами.

– Новенькие, – проскрипел Гэймилл, указывая дрожащим пальцем вглубь шатра. Там, рядом с вонючим ведром, заменяющим туалет, Эйден увидел два свободных мешка, тоже набитых сеном. Лёфор хмыкнул и, пихнув плечом, рослого мальчишку, стоящего на пути, вразвалочку направился к своей новой кровати. Эйден, потупившись, последовал за

ним, стараясь никого не задевать.

Когда старик ушел, тишину так никто и не нарушил. Дети продолжали внимательно изучать новоприбывших, а те платили им той же монетой. Эйден удивился, увидев, что в шатре помимо мальчишек есть и девочки. От совсем маленьких до почти взрослых. Было еще кое-что, что сильно пугало Эйдена. Взгляд. Взгляд не ребенка, а взрослого. Жесткий, внимательный и холодный.

Гэймилл вернулся, неся в руках две тарелки с горячей похлебкой. Их он поставил перед мальчишками, затем выудил из кармана кусок черствого хлеба, разломил его на две части и бросил в тарелки. Все это он проделал молча, развернулся и покинул шатер.

К Эйдену тут же подошел рослый мальчуган с торчащими волосами. Он усмехнулся, посмотрев на него, и резко схватил тарелку. Когда мальчишка вскочил на ноги, мальчуган, не переставая усмехаться, пнул его ногой в грудь, заставив упасть на спину. Тут уже не выдержал Лёфор и, поднявшись, сжал кулаки. Правда пыл его заметно поутих, когда со своих мест поднялись и остальные циркачи. Некоторые из них держали в руках ножи, а остальные готовы были броситься в драку безоружными. Рослый и, видимо, главный среди них, развернулся и, не опасаясь удара в спину, ушел на свое место, словно произошедшее было нормой.

– Я предупреждал, – тихо сказал Лёфор, прижимая свою

тарелку к груди. Он оскалился, как волчонок, увидев оши-
вавшегося рядом плешивого и тощего мальчишку. – Горло
вырву!

– Ой, – пискнул тот и бросился наутек. Лёфор быстро рас-
правился с половиной порции и протянул остатки удивлен-
ному Эйдену.

– Держи, дружище Эйд, и не щелкай клювом, – неприятно
улыбнулся он. – Завтра я с тобой делиться не буду.

– Спасибо, – тихо ответил Эйден и, заметив, как со сво-
их мест поднялись другие, быстро влил в себя остатки еды,
ошпарив рот и горло.

– Учишься быстро, – похвалил его Лёфор, наблюдая за те-
ми, кто вскочил. Он ткнул в их сторону пальцем и добавил. –
Остерегайся их. Нас будут проверять на прочность.

Эйден промолчал, понимая, что на его вопросы Лёфор не
ответит. Сам узнает ответы, когда придет время.

Ночью их попытались избить. И если бы Лёфор не спал
вполглаза, им бы крепко не поздоровилось. Однако, услышав
шорохи и приглушенные голоса, мальчишка вскочил на но-
ги, схватил лежащую рядом пустую тарелку и ударил перво-
го нападавшего, которым оказался тот самый рослый, с тор-
чащими, жесткими волосами. Эйден проснулся от криков и
первое время глупо пялился на происходящее. Потом, осо-
знав, что другу нужна помощь, скрипнул зубами и тоже влез
в драку.

Вовремя, потому что Лёфор, которого душила уродливая девчонка, уже посинел и жалобно хватал ртом воздух. Её Эйден на удивление легко оттащил от Лёфора. Правда переборщил и девчонка отлетела в сторону, как пушинка. Лёфор, получив возможность дышать, наконец-то лягнул стоящего впереди циркача ногой, но тот легко отскочил в сторону и усмехнулся. Затем вытащил нож из-за голенища сапога и пошел вперед.

Эйден сам не понял, как так получилось, но он вдруг очутился в круге из детей вместе с Лёфором и тремя крепкими мальчишками, выглядевших явно взрослее их. У одного не было глаза, вместо которого зиял жуткий провал. Второй мог похвастаться внушительными мускулами, а третий был гибким и быстрым, как каградская ласка. Неожиданно Эйден почувствовал в ладони что-то влажное и острое, а когда опустил взгляд, то увидел осколок тарелки, с которого стекала кровь.

– Держи крепче и не потеряй, – шепнул ему Лёфор и добавил. – Спину прикрывай. Кто-то из них постарается сзади достать.

Нападавшие переглянулись и без лишних слов бросились на них.

Эйден сразу получил по скуле кулаком от одноглазого, а потом похолодел, почувствовав, как сталь ножа прошла в опасной близости от кожи, распоров грязную рубашку. Его

начало трясти от ужаса, но мальчик сумел справиться со страхом и, размахнувшись, тоже нанес первый удар осколком тарелки. Он понимал, что стоящий перед ним мальчишка успеет увернуться, но тот неожиданно споткнулся об камень и, вместо того, чтобы отскочить, наклонился под удар, подставив шею. Эйден побледнел, увидев, как осколок вонзается в грязную шею, рассекает кожу и погружается в плоть. Мальчишка рухнул на землю, обильно поливая её своей кровью. Он хрипел, сучил ногами, а потом обмяк, уставившись безжизненным взглядом в сторону. Остальные нападавшие не издали ни звука. Даже двое напавших на Лёфора неожиданно отошли в сторону и растворились в толпе других детей. Эйден икнул, рухнул на колени и его тут же вырвало нехитрым ужином, который еще не успел перевариться. Голова кружилась, ноги не держали его, но он все же как-то встал, пусть и с помощью Лёфора, который зло смотрел на циркачей, готовясь без промедлений атаковать любого, кто к нему сунется. Эйден сам не понял, что сделал, но подумал, что это правильно. Он отбросил в сторону липкий осколок, подошел к труп и, повозившись, вытащил из посиневших пальцев небольшой нож. Ржавый, из плохого железа, с простенькой деревянной рукоятью. Повертев его, мальчик вздохнул и, зажав нож в руке, отступил к своей постели. Лёфор, хмыкнув, покачал головой и тоже вернулся на свое место. Ни один циркач так и не произнес ни единого слова. Наоборот, дети разошлись по своим местам и постелям так же

молча, как и набросились на них.

– Сегодня мы выжили, дружище Эйд, – хмыкнул Лёфор, трогая порезанную ножом щеку. – Посмотрим, что будет завтра.

Эйден не ответил. Только кивнул и, сжав в ладони нож, свернулся калачиком на своем мешке.

Утром за ними пришел Бут. Разбудив мальчишек, он равнодушно потыкал носком сапога зачоченевший труп убитого Эйдемом, криво улыбнулся и мотнул головой.

– Кто из вас? – коротко спросил он. Эйден виновато потупился и сделал шаг вперед.

– Я.

– Молодец, – неожиданно ответил циркач и повернулся в сторону выхода. – Гэймилл! Если ты эту пададь не для супа оставил, то убери его с глаз моих. Воняет уже... Эх, – он снова развернулся к мальчишкам. – В первую ночь я троих порезал. Двое не выжили, а третий стал моим другом.

– Калле? – нагло ухмыльнувшись, спросил Лёфор. Бут не стал отвечать ему подзатыльник, лишь задумчиво посмотрел на дерзкого мальчишку.

– Калле, – повторил он и, махнув рукой, пригласил следовать за собой. – Пошли, малыцы. Время учиться.

Бут повел их на другой конец лагеря. Эйден во все глаза рассматривал кипящую вокруг жизнь, то и дело отставая.

Это в итоге надоело Буту, и он так громко рывкнул, что мальчишка, перепугавшись, врезался в идущего навстречу толстого циркача. Глядя, как глаза толстяка начинает заливать кровь, Эйден уже попрощался с жизнью, но Бут неожиданно решил заступиться и встал перед ним.

– Иди своей дорогой, Вильям. Новенькие, не обвыклись еще, вот и лупают глазами по сторонам вместо того, чтобы вперед смотреть, – пробасил он. Толстяк злобно сверкнул заплывшими глазками, облизнул толстые губы и кивнул.

– Славный мальчонка, Бут. Славный.

– Новенький, – кивнул в ответ Бут, не придав значения странным словам, но с места не сдвинулся. – Тени своей боится. А ты ступай, пока мадам Анже не осерчала. Мальцов потребно обучить и в смены расставить. Сам знаешь, что приказы мадам не шутка.

– Само собой, – сдался толстяк и, обойдя их, отправился дальше. Эйден не успел удивиться тому, насколько мягкими и плавными были его движения, словно полнота никоим образом не мешала этому человеку.

– Не повезло, парнишка, – хмыкнул Бут. – Пошли.

– Прости, друг, – вклинился неугомонный Лёфор. – А с чем не повезло?

– С тем, что врезался он в Вильяма Волосатого, – ответил Бут и, улыбнувшись, добавил. – Друг.

Площадка для тренировок находилась на северной окраи-

не лагеря и, когда мальчишки в сопровождении Бута пришли туда, то увидели, что на площадке уже идут занятия. Гибкие гимнастки выписывали колеса на тонком бревне, крепкие мужчины подкидывали в воздух круглые отполированные камни и тут же их ловили, кто на плечо, а кто на шею, толщиной с хорошее деревце. Жонглеры, закусив губу и сосредоточившись, орудовали мягкими мячиками или острыми ножами. Стайка мальчишек, среди которых Эйден углядел знакомые лица, проходила полосу препятствий под присмотром Калле. А в отдалении, на богатом кресле, сидела сама мадам Анже и, прищурив глаза, наблюдала за тренировками. Эйден еще не догадывался, что эта площадка скоро станет его персональным пеклом, а боль – верной подругой.

– На полосу. Вдвоем, – приказал Бут, когда Калле с мальчишками закончил заниматься и разрешил им отдохнуть. – Поглядим, из чего вы сделаны.

Полоса препятствий была изощренным орудием пыток и Эйден понял это сразу. Тонкие бревна, по которым надлежало пробежать, находились на такой высоте, что упав ты с них, то гарантированно сломаешь себе ногу или руку. Висящие на веревках трапеции были не деревянными, а металлическими, из-за чего потные ладони постоянно норовили соскользнуть.

Эйден рухнул вниз на первом же бревне и каким-то чудом ничего себе не сломал. Воздух вылетел из груди так резко, что в висках заломило, а спину прошибла режущая боль. Но

ему не дали прийти в себя, Бут рывком поднял его на ноги и пинком отправил к началу площадки. Лёфор меж тем продвинулся далеко и сейчас пытался взобраться по веревочной лестнице вверх к трапециям.

– «Соберись»! – злобно рыкнул он сам на себя. Затем скинул мешающиеся сапоги и босым ступил на бревно. Бут одобряюще заворчал позади.

– Бревно, кольца, веревочная лестница, трапеция, – еще раз повторил он, указывая пальцем на нужные снаряды. Эйден кивнул и, закусив губу, помчался вперед. И чуть не рухнул вниз снова, услышав крик Лёфора, а потом звук падения тела на землю. Мальчишка отдышался, набрал воздуха в легкие и огласил окрестности полосы препятствий такой руганью, что циркачи зашлись в смехе. Даже суровое лицо Бута тронула улыбка, исчезнувшая так же быстро, как и появившаяся. – Не заставляй меня ждать, мальчик. Вперед.

Без сапог было легче. Ноги чувствовали отполированное дерево и Эйден лучше сохранял равновесие, идя по тонкому бревну. Шаг, другой, вдох, выдох. Дойдя до конца бревна, он вздохнул, подпрыгнул и схватился потными ладонями за кольца. Затем раскачался и, выбросив тело вперед, разжал пальцы. Падения не последовало, но Эйдена затошнило, когда он увидел насколько был близок к краю небольшой площадки перед лестницей. Упадешь отсюда и больной спиной не отделаешься.

– Дальше! – рывкнул Бут. Эйден вздрогнул, снова кивнул,

и поспешил к деревянной лестнице, стоящей почти вертикально. Ему удалось взобраться наверх, пусть и ценой ободранной кожи на коленях и кровоточащих ногтей. Позади пыхтел Лёфор, стремясь нагнать его.

– «Ты сможешь», – подбодрил Эйден сам себя и полез по веревочной лестнице, качавшейся не только от порывов холодного ветра, но и от веса его собственного тела. Руки с непривычки заныли, а потом пришла боль. Боль стрельнула в напряженную шею, заставив мальчишку застонать, затем ужалила под лопаткой и отдалась на кончиках пальцев, больше похожих на кровавые, еще не сваренные сосиски.

– Лезь! – зарычал снизу Бут, увидев, что Эйден затормозил. – Последнего, кто закончит полосу, я высеку.

– Ничего личного, дружище, – улыбнулся Лёфор, нагнав его. Мальчишка вздохнул и резко всадил локтем Эйдену под ребра. Пальцы от неожиданности разжались, и он повис на правой руке. Будь в животе не так пусто, то Буту точно бы прилетели остатки еды на голову. Странно, но это осознание заставило Эйдена собраться с мыслями. Он скривился, выбросил вверх руку и зацепился за веревку. Затем помог себе ногами и шустро полез наверх. Лёфор уже болтался на трапедии, готовясь к последнему прыжку.

Добравшись до верхней площадки, Эйден увидел, что Лёфор без сил лежит на противоположной стороне и смотрит на него. На миг в его глазах мелькнуло сочувствие, но быстро пропало. Эмоции Лёфор умел скрывать мастерски.

Вместо злобы Эйден решил сосредоточиться на трапедии. Он повис на руках, оттолкнулся и принялся раскачиваться. Мах. Другой. Вдох. Выдох. Отпустить пальцы... И почувствовать грубую, шершавую, но такую приятную поверхность под ногами.

– Ничего личного, Эйд, – тихо сказал ему Лёфор, увидев, как в их сторону идет Бут. В руках циркач держал охапку колючих прутьев рогтеры. – Ничего личного.

Эйден промолчал.

Бут показательно высек его на глазах всего лагеря. И пусть Эйдену было дико больно, он сдержал рвущийся наружу крик, закусив до крови губу и предпочитая смотреть вперед. А впереди, за оградой лагеря, виднелся лес. Шумели вековые деревья, слышалась лихая песня малинового токаря, прерываемая изредка свистом и следующей за ним болью.

Закончив, Бут удовлетворенно хмыкнул. Он поставил перед Эйдемом ведро с водой и, кивнув тощей, невзрачной девчонке, велел той смыть кровь со спины. Девочка поначалу старалась не причинить боль, но после очередного крика принялась драить спину Эйдена так, что тот на миг задумался, что же больнее – розги или мокрая губка. Закончив, девочка скользнула в сторонку и смешалась с толпой циркачей, собравшихся посмотреть на порку.

– Кто первым заканчивает полосу, получает сыр и вино на ужин. Последнему достается порка, – произнес Бут, смотря

на мальчишек. Лёфор понимающе кивнул, Эйден промолчал. Спина горела от боли, руки ныли, а сердце норовило вырваться из груди и уродливым кровоточащим куском шлепнуться ему под ноги. Но в груди, помимо боли, горела и гордость. Он выдержал. И полосу препятствий, и порку. Между тем Бут продолжил. – Мне плевать, больно ли вам. Плевать, устали ли вы или хотите есть. Моя цель – сделать ваше тело сильным и гибким, а как я это сделаю – плевать. Из этого лагеря есть два пути. Закончить обучение, стать вольным человеком и влиться в семью мадам Анже. Или отправиться к Тосу в виде вонючего трупа, неспособного бороться за место под солнцем. Ясно?

– Да, Бут, – синхронно ответили мальчишки.

– Славно, – кивнул тот и неприятно улыбнулся. – На полосу с остальными. Бегом!

На второй заход Эйден понял, что прохождение полосы препятствий с Лёфором – это легкая прогулка. Теперь его толкали со всех сторон, и он устал считать, сколько раз падал на землю. Лёфор, в отличие от него, сориентировался быстро. Он пристроился за самым сильным в шатре и никому не давал себя обогнать. К тому же Бут прогнал их по малой части полосы, в этот раз после трапедий предстояло карабкаться по стенам, удерживать равновесие на качающихся бревнах и пытаться не рухнуть вниз с канатов. Канаты были мокрыми и липкими от крови, но остальных это не останавливало.

Они упрямо лезли наверх, чтобы через секунду спуститься вниз к очередному снаряду. Мальчишки, девчонки... Бут не делал исключений ни для кого. Последнего, кто заканчивал полосу, ждала порка.

И Эйден ожидаемо оказался последним. На финише его обогнал плешивый паренек и, развернувшись, сильно ударил ногой в грудь. Эйдену повезло, что он при падении зацепился за веревочную лестницу и не сломал себе шею. Впрочем, Бут и тут исключений делать не стал, заставив его вернуться на полосу и закончить её, а потом выпорол мальчишку мокрыми розгами, пока остальные отдыхали.

Затем пришел черед растяжки и Эйден поблагодарил Ласа за то, что его тело отупело от боли и новую боль восприняло, как нечто само собой разумеющееся. А вот Лёфор орал так, что Бут не выдержал и сунул мальчишке в рот кожаный кляп. Их учили садиться на шпагат и учили жестко. К вечеру Эйден совсем лишился сил и еле дополз до шатра.

Он лег на свой мешок, свернулся калачиком и вытащил из-за голенища сапога нож. Задумчиво посмотрел на лезвие и ужаснулся от мыслей, которые закрались в его голову. Внутри него словно шел диалог. Эйден говорил с Эйденем.

– «Вспори себе горло», – шептал один. Слабый. Голос тоненький, усталый, дрожащий.

– «Убери нож и не будь слабаком», – отвечал второй. Он тоже дрожал от боли и усталости, но был твердым, в отличие от первого. – «Тебя бросили в дерьмо. Так выкарабкайся, а

не сдайся».

– «Зачем? Завтра будет новый день и новая полоса», – устало обронил первый. – «Ты не встанешь с постели, чтобы помочиться. О какой полосе может идти речь».

– «Каждый в лагере прошел через это. Бут не врет. Либо ты станешь частью цирка, либо сдохнешь, как старый пес, которого забили палками, потому что он ослеп».

– «Это легко, Эйд. Найди вену на шее, которая пульсирует. И вскрый её».

– «Соберись. И покажи, чего ты стоишь на самом деле».

Как только Гэймилл принес еду и поставил тарелки перед Эйденем и Лёфором, со своего места тут же поднялся мальчишка, отобравший у Эйдена еду в первый день. Когда он подошел ближе, до носа донесся кислый запах вина и пота. В этот раз тарелку он забирать не стал. Остановился в шаге от Эйдена и протянул руку, словно требовал принадлежащее ему по праву. Мальчик мотнул головой и жадно зачавкал. Этого рослый не стерпел и, скрежетнув зубами, сжал кулаки. В ответ Эйден отложил тарелку в сторону и вытащил свой нож.

– Я вырежу твое сердце, – тихим и бесцветным голосом сказал он. Лёфор, выжатый досуха после первого дня, молча кивнул и сжал в руке осколок разбитой тарелки. – А потом скормлю тебе, если ты так голоден.

– А я твои яйца заберу... – он не договорил, потому что к рослому присоединились еще трое мальчишек. Все, как

один, крепкие, молчаливые и ждущие приказа главаря.

– Он вытерпел две порки, Эрдо, – вставила нахмурившаяся девочка, соседка Эйдена.

– И что? – голос у рослого Эрдо был скрипучим и неприятным. – Можешь ему свою порцию отдать. А свою он еще не заслужил.

– Если для этого придется убить тебя, мы справимся, – неприятно улыбнулся Лёфор. Пусть он все еще сидел на мешке с сеном, но в глазах горела холодная решимость. Он понимал, что будет следующим, если Эйден сломается. Однако Лёфор запнулся, услышав со стороны полога чей-то громкий голос. Остальные дети, словно по команде, бросились врассыпную, а потом ему стала понятна причина такого поведения.

В шатер вошел знакомый мальчишкам толстяк, которого Бут назвал Вильямом Волосатым. Во время прошлой встречи Эйден не успел его хорошенько рассмотреть, зато сейчас ему никто не мешал этого сделать.

Вильям по комплекции напомнил ему отцовского конюха Ставта, но Ставт передвигался медленно и частенько страдал от отдышки. Вильям вошел в шатер мягкой походкой и, паскудно усмехнувшись, осмотрел притихших детей. Ярко рыжие волосы говорили о том, что циркач родом из Алии, а вот смуглая кожа выдавала в нем такого же полукровку, как и Эйдена. Массивные ручки свисали до колен, но с такой комплекцией он двигался проворно, и полнота ему никак не

мешала.

– Волосатый Вилли, – зашелестели обитатели шатра, но стоило толстяку метнуть в их сторону раздраженный взгляд, как шепотки стихли. Вильям еще раз обвел детей взглядом, пока не остановился на нахмурившейся девчонке. Эйден вспомнил её. Она обмывала его спину после порки.

– Иди сюда, – коротко приказал Вильям. Девочка упрямо мотнула головой, но его это только повеселило. – К ноге, сучка. Ты знаешь, что будет, если ты не подойдешь.

– Не пойду, – тихо проямлила девочка. Рослый Эрдо гневно засопел, но остался на своем месте. Вильям подошел к ней, растолкав остальных, улыбнулся и неожиданно влепил девчонке пощечину, от которой бедняжка отлетела в сторону, расплескав похлебку и разбив тарелку. Девчонка не успела удивиться, как Вильям схватил её за шкурку, закинул себе на плечо, словно мешок с репой, и, не обращая внимания на болезненные стоны, отправился к выходу. Теперь Эйдену стали понятны слова Бута о том, что ему не повезло. Однако девочке не повезло сильнее, потому что Вильям Волосатый выбрал её.

Она вернулась под утро, когда шатер спал. Прохромала к своему мешку и, усевшись на него, подтянула худые коленки к груди, после чего беззвучно заплакала. Эйден, спавший беспокойно, проснулся, потер глаза и удивленно на неё посмотрел. Затем вздохнул, сунул руку под матрас и вытащил

оттуда кусок хлеба. Он подобрал его после того, как Вильям Волосатый ударил несчастную и разбил её тарелку. Хлеб был грязным, но Эйден сохранил его и, вытащив, протянул девочке. На миг в её глазах мелькнуло удивление, а потом и страх. Она попятилась, когда Эйден положил кусок рядом с её мешком и так же молча вернулся в свою постель. Скоро запоют петухи и надо хоть немного поспать, пока за ними не пришел не Бут.

Но разбудил их не Бут, а Калле. Эйден к тому моменту уже проснулся и попытался растормошить спящего Лёфора. Тот на вялые тычки сонно мычал, однако вскочил с мешка, как ужаленный, стоило Калле наклониться и вlepить ладонью по уху мальчишки. Калле захохотал и к нему присоединились остальные дети, однако смех продлился недолго. Циркач кашлянул и махнул рукой, приглашая следовать за ним.

С непривычки болело все тело. Еще и располосованная спина постоянно напоминала о себе. Калле, как только обитатели шатра пришли на тренировочную площадку, поделил всех на две группы и отправил разминаться. За то короткое время, которое отводилось на разминку, Эйден попытался хоть немного разогреть окаменевшие мышцы, понимая, что еще одну порку точно не переживет. Молчаливый Бут, стоящий рядом с бревнами, многозначительно похлопывал себя кнутом по бедру. Одно дело розги и другое – длинный, черный, похожий на жирную змею кнут.

– Держись за ним, – шепнул ему Лёфор, кивнув в сторону разминавшегося Эрдо. Эйден кивнул и, вздохнув, скинул сапоги. Затем захватил горсть земли и растер её в ладонях. Лёфор и остальные поступили схожим образом, а потом, по сигналу Калле, вышли к началу полосы.

– Награда та же, – громко произнес Калле. – Первый прошедший полосу получает сыр и вино. Последний получит порку. Первая группа на линию. Полный круг.

– Полный круг, – громко повторил Эрдо на правах старшего и гадко улыбнулся Лёфору, смотрящему на него с вызовом.

– Пошли! – рывкнул Калле, и первая кучка детей бросилась к веревочной лестнице.

Эйдена быстро оттеснили от лидера. Рядом с ним бежал только Лёфор, непривычно собранный и даже злой. Сбоку мелькнуло лицо девочки, которую забрал из шатра ночью Вильям Волосатый. Под глазами черные круги, но в самих глазах горит ярость и угрюмая решимость. За ней, пыхтя и отдуваясь, лезет по лестнице вверх плешистый мальчишка, сбросивший Эйдена на землю во время вчерашней гонки.

– Тебе мало вчерашней порки? – зло бросил Бут, идя параллельно бегущим. Эйден оглянулся и похолодел, увидев, что он замыкающий. Остальные умчались вперед. Закусив губу, мальчик напряг руки и резво полез вверх по еще одной веревочной лестнице. Веревки намокли от пота, от них нестерпимо воняло, но Эйден на запах не обращал внима-

ния. Он лез вперед с отчаянием смертника и жаждал одного – опередить хоть кого-нибудь.

Догнать худенькую девочку и плешивого мальчишку удалось ближе к концу полосы. Остальные, пытаясь отдышаться, стояли внизу и ждали отставших. Эйден увидел Лёфора, который улыбаясь сидел на земле на корточках. Но его гонка закончилась, в то время как Эйдену еще предстояло бороться.

Он понял, что легко догонит и девочку, и плешивого. Перед ним встал выбор, кого скинуть, а кому позволить бежать дальше. И девчонка была идеальным вариантом. Она наверняка не спала прошлой ночью, тонкие руки дрожат от напряжения, а лицо не бледное, а зеленое, будто её вот-вот стошнит. Но свой гнев Эйден обратил на того, кто стал виновником вчерашней порки. Вредность не дала поступить иначе.

Плешивый мальчишка сам не понял, что случилось. Только что он карабкался по канату наверх и вот он летит, кувыркаясь, вниз. Цепляется ногой за бревно и, изогнувшись, падает на землю. Эйден услышал звук падения тела, громкий хруст и яростный вопль, наполненный болью и досадой. На миг он пересекся взглядом с худенькой девочкой и увидел в её глазах удивление, а потом благодарность. По канату Эйден тоже спустился быстрее неё, но это не имело значение. Ни он, ни худая девчонка не были последними. Последний сейчас корчился на земле и орал от боли, а его левая рука неестественно вывернулась.

Но Бута это не остановило. Он отхлестал плешивого кнутом и велел одной из девочек омыть его спину. К своему удивлению Эйден понял, что ему не жаль этого мальчишку. Он равнодушно смотрел за поркой, как и остальные циркачи, не обращая внимания на жалобные крики.

После порки Калле заставил их еще дважды пройти полосу препятствий, после чего отправил всех на растяжку. И снова невыносимая боль, треск мышц и черные пятна перед глазами. Но Эйден, сжав зубы, терпел, как и Лёфор.

Как только растяжка закончилась, Калле дал всем немного отдохнуть. Молчаливый Гэймилл принес два ведра с теплой водой и напоил измученных детей, после чего так же молча ушел с площадки. Эйден вздрогнул, когда к нему подошел Калле. Высокий циркач пугал его куда больше, чем Вильям Волосатый и безносый Эрик. Было в нем что-то необъяснимо жуткое.

– Встань, – повелел он и, дождавшись, когда Эйден поднимется, протянул ему два ржавых ножа. – Умеешь жонглировать?

– Нет, господин.

– Господ у нас нет, мальчик, – усмехнулся Калле и кивнул. – Фокусируйся на клинках. Как тольколовишь один, второй подбрасываешь в воздух. Старайся подбрасывать его на уровне своих глаз. Пробуй.

Эйден подкинул первый нож, но поймать его не сумел и, ойкнув, прижал к груди руку, с которой на землю капала

кровь. Калле сухо рассмеялся, в запавших зеленых глазах блеснуло веселье.

– Каждый порез – это урок. Если порезов нет, значит ты усвоил все уроки и покори лезвие, мальчик. Продолжай.

– Да, Калле, – кивнул Эйден. Он вытер руку об штаны и вновь подкинул нож. Первый удалось поймать, но второй он подбросил с опозданием. Ржавый клинок больно оцарапал ладонь, снова заставив Калле рассмеяться.

– Довольно, – хмыкнул циркач и вытащил из ножен на бедре еще один нож. – Будешь упражняться каждую свободную минуту. Ясно?

– Да, – ответил Эйден и вздрогнул, когда Калле протянул ему грязную тряпку.

– Перевяжи руку, – он повернулся к молчащему Лёфору и, прищурившись, добавил. – Встань.

– Встал, – нагло ответил тот, заставив Калле улыбнуться.

– Помню, как ты перед мадам Анже жопой вертел. Покажи, что умеешь.

Гибкий Лёфор послушно кивнул и сделал сальто назад. Затем, из той же позиции, прошелся колесом по двору, закончив все ловким прыжком на бревно. Пройдя по нему, Лёфор улыбнулся, поклонился наблюдавшей за ним мадам Анже и сделал двойное сальто, приземлившись на землю.

Калле усмехнулся и кивнул красивой девушке в бордовом костюме. Та улыбнулась, легко запрыгнула на тонкое бревно,

после чего прошлась по нему колесом, сделала стойку на руках и изящно спрыгнула вниз, сделав все куда более плавно и изящно, чем у Лёфора. Мальчишка покраснел от смущения и злобно посмотрел на покатывающегося со смеху Калле.

– Сможешь также? – спросил он. Лёфор, промолчав, мотнул головой. – Вот когда сможешь, тогда и попадешь в труп-пу. Упражняйся каждую свободную минуту. Понял?

– Да, – хрипло ответил мальчишка, исподлобья смотря на циркача.

– Тогда на линию. Еще одна полоса препятствий, – командовал Калле и дети, ворча, отправились на старт.

Вечером в шатер снова зашел Вильям Волосатый. Худенькая девочка, чья постель находилась рядом с Эйденем, вздрогнула, но циркач на нее даже не посмотрел. Он хмыкнул, подошел к тощему мальчишке с густыми бровями и велел тому подняться. К удивлению Эйдена мальчик поднялся безропотно и, побледнев, поплелся за Вильямом к выходу из шатра. Как только они ушли сразу же появился молчаливый Гэймилл, несущий в руках большую кастрюлю с похлебкой.

Быстро съев свою порцию, Эйден злобно оскалился, поднявшемуся со своей постели Эрдо, вытащил кинжалы и с вызовом на него посмотрел. Рослый мальчишка в драку ввязываться не стал. Лишь хитро улыбнулся, мотнул головой и уселся на мешок. На миг Эйдену показалось, что в его глазах блеснуло удовлетворение, но оно тут же сменилось привыч-

НЫМ ХОЛОДКОМ.

– Пойдешь на площадку? – тихо спросил Лёфор, покончив со своей похлебкой. Эйден подумал и кивнул. Не зря Калле говорил упражняться каждую свободную минуту, а он как-то умудрился об этом позабыть. – Пойдем вместе? Хочу на бревне колеса покрутить, а ты можешь со своими железяками позабавляться.

Вернулись они за полночь. Лёфор мокрый от пота и довольный, а Эйден с замотанными грязными тряпками руками. Ржавые ножи были на удивление остры и за каждый промах наказывали его свежим порезом. Вернувшись в шатер, Лёфор рухнул без сил на свой мешок и моментально уснул, а Эйден, подвинув к себе ведро с водой, принялся менять повязки. Если рана загноится, ни к чему хорошему это не приведет.

– Возьми, – услышав тихий голосок, Эйден вздрогнул и повернулся в сторону постели худенькой девочки, которая омывала его спину после порки. В руках она держала три маленьких тряпичных мячика. – Это лучше ножей.

– Спасибо, – чуть подумав, ответил Эйден. Девочка слабо улыбнулась и кивнула.

– Лайл тоже учился жонглировать клинками, но отрезал себе два пальца и его отправили на скотный двор, – добавила она.

– Ты тоже жонглер?

– Да. Если справишься с мячиками, то и с ножами сла-

дишь. Сложнее всего с горящими факелами, но Калле говорит, что для этого рано, – кивнула девочка и снова вздрогнула, когда полог шатра дернулся. Но это был всего лишь Гэймилл, зашедший проверить спящих.

– Что Вильям с тобой делал? – спросил Эйден. Девочка побледнела и поджала губы.

– Он говорит, что им овладевает Тос и его надо ублажить, – её голос задрожал и она отвернулась. – Спи. Утром снова будет полоса, а Бойд сломал руку и последним точно не будет.

Следующий день был точно таким же, как и предыдущий. Калле отвел их на площадку и заставил проходить полосу препятствий. Затем растяжка под присмотром Бута, акробатика, жонглирование, гимнастика, снова полоса препятствий и растяжка. Ужин, Вильям Волосатый, выбравший новую жертву. Иногда вместо Вильяма приходили другие, но Эйден равнодушно смотрел, как они уводят детей с собой. Его больше волновал беспокойный сон и боль от измученного тела.

Жизнь превратилась в тягучую, как смола, рутину. Днем Эйден учился цирковому искусству, а ночью гадал, сломает ли себе завтра шею на полосе препятствий или Лас убережет его от падения и позволит прожить еще один день. Лёфор, в отличие от него, быстро принял новый статус и легко учился новому. На одной из тренировок он удивил Калле, выполнив

ровно тот же набор движений, что и красивая девушка в бордовом костюме, бывшая частью труппы цирка мадам Анже. За это вместо зуботычины от Бута он получил кувшин с вином, а вечером за ним пришла красивая циркачка и увела с собой. Лёфор вернулся под утро, взъерошенный и счастливый, а на все расспросы таинственно улыбался и молчал.

Но Эйден тоже менялся. Худенькие руки и ноги обросли жесткими, сухими мышцами, растяжка больше не приносила боли и совсем скоро он научился крутить колеса не хуже Лёфора, легко садился на шпагат. С жонглированием было сложнее, но мягкие мячики дали свои плоды. Поначалу Эйден то и дело ронял их, однако со временем научился довольно сносно жонглировать. Правда пользоваться мячиками можно было только ночью. Калле, как и остальные циркачи тщательно следили, чтобы он практиковался с выданными ножами. Впрочем, и ножи ему однажды покорились, не оставив после жонглирования ни одного пореза на ладонях. Мячики Эйден той же ночью вернул хозяйке вместе с яблоком, полученным в качестве поощрения от Бута.

– А мне здесь нравится, – мечтательно улыбнулся Лёфор, когда они улеглись на мешки после ужина. Эйден, пользуясь моментом, приводил в порядок ножи. Он почти отполировал их до зеркального блеска и всегда точил лезвия перед отходом ко сну. – Такая жизнь по мне.

– Утром полосы препятствий, а потом занятия до тех пор, пока мышцы рваться не начнут? – съязвил Эйден, заставив

Лёфора рассмеяться.

– Нет, Эйд. Купеческому сынку не понять бродягу с улицы, – ответил он. – Здесь у тебя есть крыша над головой, горячая похлебка и теплый бок девицы. Глядишь, в труппу попадем. Бут вчера обмолвился, что тем, кто в представлениях хорошо себя показывает, мадам Анже дает серебряного лиса.

– Врешь, – рассмеялся Эйден. Серебряную монету с головой лиса в окружении ветвей альмира – гербом императора – мальчишка видел лишь однажды, когда отец покупал еще одну лавку в Ларахе. В городке, где находился его дом, обычно в ходу были медяки. Мысли о доме снова заставили мальчика грустить, но Лёфор понял все по-своему.

– Выше нос, Эйд. Глядишь и правдой окажется. В одном Бут не врет. Если тебя берут в труппу, то ты становишься вольным, а не рабом.

– Но уйти-то тебе не дадут, – вздохнул Эйден, вертя в пальцах нож. – Вольным ты будешь только на словах.

– Да и плевать, – хмыкнул в ответ Лёфор. – Все равно тут лучше, чем слоняться голодным по улицам, пока желудок сам себя не сожрет.

– Или виной всему Лейнира, – улыбнулся Эйден, заставив друга покраснеть. Лёфор рассмеялся, но негромко, потому что рядом уже спали другие дети. Впрочем, Эйден знал, что прав. Красивая Лейнира, носящая багровое трико и багровую рубаху, когда-то позволила Лёфору согреть свою по-

стель, а мальчишка с того дня потерял покой и с тоской смотрел на полог шатра, надеясь, что красивая циркачка еще раз порадует его своим визитом. Но вместо Лейниры в шатер обычно приходил Вильям Волосатый. Сегодня Вильям задерживался, но Эйден знал, что он придет. И каждый раз дрожал от страха, когда колючий взгляд толстяка останавливался на нем.

– И без Лейниры в цирке достаточно прекрасных дев, – ехидно ответил Лёфор. Эйден знал, что он не врет. В лагере циркачей Лёфор освоился быстро и частенько ночевал не в шатре, а под теплым боком какой-нибудь девицы. На девочек из шатра он даже не смотрел, словно они для него не существовали.

– Но она... – острота застряла в горле, когда полог шатра откинулся и раздался шершавый голос Вильяма Волосатого.

– Ну, Тосовы выродки. Спите? – гаркнул он, разбудив всех. Девочка, спящая рядом с Эйденем, задрожала и вжалась спиной в опору шатра. Она побледнела, увидев, что Вильям, похотливо улыбаясь, смотрит на нее, как и его указательный палец. – Ты! Быстро ко мне.

– Не надо... Я... – девочка не договорила, потому что Вильям, подлетев к ней, резко ударил несчастную по щеке, после чего схватил за шею и рывком поднял на ноги.

– Если я говорю «ко мне», ты идешь ко мне, дрянь, – прошипел он, а потом посмотрел на Эйдена. – Не волнуйся. Я верну её утром, а там, глядишь, и тебе повезет.

– Нет, – прошептал Лёфор, увидев, что Эйден сжал в руке нож.

– Поднимешь нож? – усмехнулся толстяк и, наклонившись, дыхнул в лицо Эйдену перегаром, чесноком и нечищеными зубами. – Если поднимешь, то должен ударить, щенок. Ты готов?

– «Один удар. В шею. И все», – мысли проносились в его голове так быстро, что Эйдена невольно затошнило. Вильям, увидев, что мальчик побледнел, довольно кивнул и, развернувшись, отправился к выходу, волоча за собой плачущую девочку.

– Он тебя одним ударом убьет, – мрачно сказал Лёфор, как только Вильям ушел. – Я видел, как он живых зайцев разрывает и монеты пальцами гнет. Не зря он камни каждый день таскает, пока мы по полосе бегаем.

Эйден не ответил. Крепче сжал нож в ладони и, свернувшись калачиком, задумчиво посмотрел на пустую постель девочки, которую уволок Волосатый. Спать не хотелось, сердце в груди ходило ходуном и желудок норовил отвергнуть съеденную похлебку.

Утром девочка так и не вернулась. Не вернулась и к тому моменту, как в шатер вошел Бут и, разбудив всех, погнал на тренировочную площадку. Правда на площадке в тот день было непривычно тихо. Циркачи не отрабатывали элементы на бревнах, никто не тягал камни и в воздух не взлетали

разноцветные палки и ножи. Бут, растолкав столпившихся у площадки, вышел вперед и грязно выругался.

Девочка, которую Вильям Волосатый забрал прошлой ночью, висела на веревке над землей и сильный ветер заставлял её тело качаться из стороны в сторону. Голова свисает в бок, глаза, в которых навсегда застыла боль, давно уже остекленели, а на руках и ногах жуткие кровоподтеки.

– Ты и ты. Снимите её, – велел Бут, указав хлыстом на Эйдена и рослого Эрдо. Мальчишки кивнули и полезли на бревно. Эрдо подтянулся на руках и, взобравшись по канату вверх, выхватил нож и секанул им по веревке. Эйден, стоя снизу, поймал тело и удивился тому, насколько легкой и почти невесомой была мертвая девочка. От нее пахло кислым вином и еле уловимым запахом смерти. Эйден сглотнул липкую слюну и с трудом справился с тошнотой. Он осторожно положил девочку на землю и опустился рядом с ней на колени. Эрдо, прыгнув с бревна, тоже присел рядом. Грудь мальчишки бурно вздымалась, но не от того, что пришлось лезть по канату. В нем бурлил и клокотал гнев.

– Как её звали? – тихо спросил Эйден, не надеясь, что Эрдо ему ответит. Но тот неожиданно грустно улыбнулся.

– Мэлли. Мы были из одной деревни, – хрипло ответил он и, поиграв желваками, с ненавистью посмотрел на Вильяма Волосатого, который, как ни в чем ни бывало, стоял рядом с Калле.

– Мэлли, – прошептал Эйден и осторожно закрыл девочке

глаза. Затем провел рукой по её волосам и, поднявшись на ноги, повернулся к Буту. – Я хочу её проводить.

– В яму потаскушку и Тос с ней, – хохотнул Вильям Волосатый. Стоящий рядом с ним Калле улыбнулся. Но Бут улыбаться не стал. Он сурово посмотрел на Эйдена, но мальчик выдержал взгляд.

– Я хочу её проводить. Она была добра ко мне, Бут.

– Рабам запрещено покидать лагерь, малец, – тихо ответил он и покачал головой. Глаза Эйдена заблестели, он упрямо сжал зубы, унял дрожь и повторил.

– Я хочу её проводить. Клянусь моей матерью, что не сбегу.

– Насрать всем на твои клятвы, – вздохнул Бут. Он почесал грязным пальцем бровь и повернулся к Калле. Циркач еле заметно кивнул ему. – Ладно, малец. Пригляжу за тобой. Бери девчонку и пошли. Остальные на полосу. Живо!

Бут вместе с Эйденем, который нес на руках худенькую Мэлли, вышли через главные ворота лагеря и отправились к лесу. Мальчик не знал, какой веры была девочка, но решил проститься с ней так, как обычно провожали ушедших в империи.

Сперва он нашел старое дерево с густой кроной, сквозь которую не проникал солнечный свет. Земля под таким деревом голая и влажная. Она с радостью примет в себя ушедшего и охранит его от злых духов, которые непременно по-

пытаются полакомиться мертвой плотью. Бут, стоя в отдалении, с интересом наблюдал за приготовлениями.

Эйден выкопал большим плоским камнем ямку, затем оторвал от собственной рубахи кусок ткани и прикрыл им лицо девочки. Осторожно поднял её на руках и положил в ямку. После этого он сбегал к кустам рогтеры и сорвал несколько багровых, сухих цветков, стараясь не касаться ядовитых шипов. Бут хмыкнул и сделал шаг назад, чтобы не мешать ему. Два цветка легли на глаза девочки, еще один Эйден вложил ей в руки.

– Звери найдут её и сожрут, малец, – зевнул циркач.

– Не сожрут. Рогтеру они ненавидят, – тихо ответил Эйден. Он взял плоский камень и принялся засыпать Мэлли землей, пока на месте ямки не образовался небольшой холмик. – Эти цветки необычные. После зимы они дадут всходы и уже летом здесь будет куст, а то и два... Бут, я могу побыть немного один? Мне нужно проводить Мэлли молитвой.

– Если обещаешь, что не попытаешься сбежать, – ответил ему циркач, внимательно смотря на мальчика. Эйден кивнул и, опустившись на колени перед холмиком, закрыл глаза. Бут снова улыбнулся, мотнул головой и, развернувшись, отошел подальше.

В лагерь они возвращались в полном молчании. Бут, широко шагая, шел впереди, а Эйден, задумчиво глядя ему в спину, семенил следом. Перед воротами циркач неожидан-

но остановился и повернулся к мальчику. Хмыкнул, потом прочистил горло и сплюнул на землю.

– О чем ты молился, малец? – тихо спросил он.

– Просил у нее прощения. Благодарил. Молил Ласа, чтобы он принял Мэлли и позволил ей веселиться на своих зеленых лугах. Молил Тоса, чтобы он не забирал её душу с собой. Я сказал ей то, что не успел сказать, Бут.

– Хорошая, видать, была молитва, малец, – улыбнулся Бут и от его улыбки повеяло теплом. – Ладно, ступай. Я освобождаю тебя от занятий. Рыть камнем могилу сродни полюсе. Скажи Гэймиллу, пусть винца тебе плеснет. Я разрешаю.

– Спасибо, Бут. Я предпочитаю, чтобы разум оставался ясным, – поклонился ему мальчик и, вздохнув, вошел в ворота.

Лёфор, вернувшийся вечером с занятий, без лишних слов скользнул на свое место и, повернувшись, внимательно посмотрел на Эйдена. Но тот сверлил пустым взглядом в землю и рассеянно вертел в руках нож.

– Чего ты так убиваешься, дружище Эйд? – зевнул Лёфор и кивнул Гэймиллу, принесшему ему тарелку с похлебкой и кусок хлеба. Свой ужин Эйден давно съел и пусть за него не пришлось драться, наслаждения получить от не сумел.

– Потому что человек во мне еще не умер, – улыбнулся мальчик, посмотрев на друга. Он чуть подумал и вытащил кувшин с вином. – Я знаю, ты любишь вино. Держи. Бут сегодня сам на себя не похож.

– Это я всегда приму, – широко улыбнулся Лёфор, и не успел Эйден опомниться, как выдул все вино и бросил пустой кувшин на землю. – Кислятина. Однажды я стащил бутылку из виноградников герцога Кловерта. Вот это вино богов, Эйд. А здешний люд пьет мочу. Но, как говорил мой папка, пей, что дают, и не забудь добавки попросить.

– Я думал, что ты сирота, – удивился Эйден.

– Как сказать, – хохотнул Лёфор. – Папка себе молодуху нашел, а меня с мамкой взащей из дома выгнал. Сказал ей, мол нагуляла ублюдка, вот и вали с ним. Мамка той же зимой слегла с горячкой, а потом и к Тосу ушла. Ну а я что? На улицу пошел, куда деваться. Все мечтал, что вырасту, найду папку и задую его. Да Тос опередил, забрал этот пропитанный вином мешок дерьма. Молодуха-то ушла оказалась, дружище Эйд. Вскрыла ему горло, деньги забрала, а дом спалила. Так и не нашли, зато листы с рожей её по всей империи висели.

– Жизнь иной раз удивляет, – вздохнул Эйден и нахмурился, когда полог шатра откинулся и внутрь вошел Вильям Волосатый. Он слегка шатался, вонял вином и мочой, но Эйдена углядел сразу и, зло ощерившись, указал на него пальцем.

– Ко мне! – рывкнул он. Эйден подобрался, сжал нож и отрицательно мотнул головой. Вильям словно ждал этого. Он рыгнул, вытер губы волосатой рукой и, отпихнув в сторону вставшего Эрдо, подлетел к Эйдену. – Сучонок. Когда я го-

ворю «ко мне», ты идешь ко мне.

– Тосово говно, – выругался мальчик и резко всадил нож Вильяму в ногу. Тот не ожидал удара и отпустил руку. В глазах сначала блеснуло удивление, а потом злоба.

– Я выдавлю тебе глаза, а потом... – он не договорил и, махнув ручищей, отправил Эйдена на землю. В голове зашумело, а во рту стало солоно от крови. Мальчик попытался встать, но удар сапога в живот заставил его закашляться.

Вильям бил выборочно, стремясь причинить боль. Дважды ударил по яйцам, несколько раз досталось лицу. Хрустнул нос. Но Эйден не чувствовал боли. Он сосредоточился на лежащих рядом с его мешком ножах. Схватить. Поднять. И вспороть жирную шею. Резать... резать, пока жизнь не погаснет в злобных водянистых глазах. Вильям заметил, куда смотрит Эйден. Рассмеялся и ногой подвинул нож к нему, после чего наклонился и зашипел.

– Рискнешь поднять, сосунок?

– Ненавижу! – прорычал Эйден, хватая нож. Но Вильям был проворнее. Он выхватил нож, торчащий из ноги, и приставил его к горлу мальчишки. Одно движение и на землю хлынет кровь.

– Нет, мальчик. Это не ненависть, – хрипло ответил Вильям. – Ненависть заставляет тебя встать и драться, даже если ноги сломаны, а рук нет. Ненависть удешевляет ярость. А ты всего лишь злобный и жалкий выродок суки, выплюнувшей тебя в этот мир.

– Вильям! – Эйден скрежетнул зубами, услышав голос Бута. Нажим на шею ослаб и лезвие ножа исчезло. Мальчишка, сипя разбитым носом, отполз в сторонку и оперся спиной на чьи-то ноги. Бут стоял в центре шатра, хлыст размотан и готовится секануть по коже, если потребуется.

– А вот и нянька пришла, – рассмеялся Вильям, заставив Бута потемнеть лицом. – Чего приперся? Тоже ищешь...

– Я ищу только тебя, – спокойно ответил циркач. – Мадам Анже послала за тобой.

– Мадам? – игривость с Волосатого словно ветром сдуло. Он побледнел и вжал голову в плечи.

– Мадам Анже, – повторил Бут. – И ты в курсе, что она ждать не любит.

– Да, да... – пролепетал толстяк и, не взглянув на Эйдена, выкатился из шатра.

– Иди, умойся, малец. С такой рожей только представления давать, – буркнул Бут. – Остальным спать. Живо!

Утром Эйдена разбудил Лёфор. Осторожно потормошил за плечо и, когда мальчик открыл глаза, улыбнулся. Но ответная улыбка привела к тому, что покрытые коркой застывшей крови губы лопнули и наполнили рот липкой сукровицей. Эйден застонал и с трудом принял сидячее положение. Болели ребра, нос опух, еще и в голове будто духи ночи устроили пьянку.

– Доброе утро, красавец, – хохотнул Лёфор и кивнул на

ведро, стоящее у мешка. Когда Эйден повернулся в ту сторону, то не смог сдержать удивления. Ведро было наполнено яблоками, вялыми грушами, сухарями и прочей нехитрой едой. Рядом обнаружился и кувшин с вином. – Смотри, у тебя уже поклонники объявились. Я стащил у тебя яблочко. Думается мне, что ты еще долго жрать твердое не сможешь.

– Это точно, – проворчал Эйден. Он обвел взглядом шатер и снова удивился, увидев улыбки других детей. Ему улыбнулся даже Эрдо. Пусть и скупое, но это определенно была улыбка. – А где Бут?

– Занят поркой, – ответил за Лёфора Эрдо. В голосе рослого мальчишки сквозила злоба, но направлена она была не на Эйдена.

– Мадам Анже вчера Волосатому Вилли устроила выволочку, – добавил Лёфор, который, казалось, знал о жизни лагеря все и про всех. – Сказала, что из-за него потеряла рабыню, которая была готова к выступлениям. Рабыню, которая дважды зимовала в лагере, ела её хлеб, и пользовалась её милостью.

– И что теперь? Порка? – горько улыбнулся Эйден. Губы снова лопнули, но мальчишке было плевать.

– Кто знает, но в ближайшее время Волосатому точно никто не будет греть постель. Если только сам не захочет, – хмыкнул Лёфор и замолчал, увидев, что в шатер вошел Бут. Циркач тяжело дышал, а с кончика его хлыста на землю капала кровь.

– Проснулись? – гаркнул он. – Тогда на площадку бегом!

– Пошли, дружище Эйд. Сегодня тебе надо будет постараться, чтобы не стать последним, – сказал Лёфор, помогая Эйдену подняться.

Чуда не случилось. Две полосы он еще как-то сумел закончить, но на третью полосу сил не осталось, и мальчик рухнул с бревна на землю. Подошедший к нему Бут кашлянул и многозначительно ткнул хлыстом на центр площадки, где обычно пороли тех, кто не справлялся. Но то ли измученное тело привыкло к боли, то ли рука Бута сегодня устала, но порку Эйден вытерпел и с удивлением обнаружил, что крови с него на землю натекло куда меньше обычного. Он дождался, пока ему омоют спину чистой водой, натянул с трудом рубашку и, хромая, вернулся к остальным детям. Эйден лишь раз посмотрел на помост, где сидела мадам Анже и, увидев на лице холеной женщины улыбку, тоже улыбнулся в ответ.

– Ты, ты и ты, – хлыст Бута указал на Эйдена. – На растяжку. Остальные – жонглирование и акробатика.

Однако лагерю циркачей пришлось задержаться в Эрении. В один из дней, когда бушевали морозы, Калле явился в шатер со свитком в руке. С его приходом сразу же воцарилась тишина и даже отъявленные бузотеры с надеждой всматривались в лицо циркача. Эйден знал, что последует. Калле зачитает имена тех, кто, по мнению мадам Анже, готов к выступлениям. Их переведут в другие шатры, и они ста-

нут вольными артистами, приносящими цирку и себе деньги. Недавно ушел Эрдо, а вместе с ним еще трое мальчишек и две девочки-гимнастки. Эйден видел их, сытых и довольных, в новеньких разноцветных одеждах, говорящих с другими артистами цирка на равных. Только он все еще оставался рабом, которого Эрик купил давным-давно за восемь медяков.

Эрик иногда приезжал в лагерь, привозя с собой новых детей. Они занимали места ушедших и точно так же проверялись другими на крепость, как и Эйден с Лёфором в первые дни. Безносого здоровяка Эйден был рад видеть и в моменты, когда тот гостил в лагере, частенько забегал к нему в шатер, чтобы узнать о том, что творилось в империи. Поначалу Эрик ворчал и прогонял настырного мальчишку. Но со временем смирился с визитами и многочисленными вопросами. Но новостей о семье не было. Эрик скупал новых рабов, потом ездил в Кагру, где случилась заминка с обустройством нового лагеря, в Эрению здоровяк если и заглядывал, то только ради того, чтобы привезти новых рабов, о чем и сообщил Эйдену. Но сейчас мальчишку больше занимал Калле и список в его руках. Кто сегодня покинет шатер рабов и станет вольным?

– Чье имя я называю, откликается и встает позади меня, – громко произнес Калле. – Лёфор Готуа.

– Я, – самодовольно улыбнулся Лёфор. Но Эйден знал, что

он заслужил право стать вольным артистом. Пока остальные отдыхали после занятий, Лёфор оставался на тренировочной площадке, где раз за разом отрабатывал сложные элементы, и возвращался в шатер глубоко за полночь.

– Корин Элиари.

– Я, – откликнулась крепкая рыжеволосая девочка, вскакивая с мешка и под одобрителные возгласы присоединившаяся к Лёфору.

– Скипт Ангоун.

– Я.

– Рейджи Валеро.

– Я.

– Леопольд Бредо.

– Я.

Калле замолчал и прищурился, осматривая оставшихся. Эйден привычно вздохнул и, посмотрев на сияющего от счастья Лефора, смог выдавить улыбку. Хотя бы ему удалось стать вольным. Но Калле не спешил уходить. Он словно растягивал удовольствие и Эйден понял, что в списке есть еще одно имя, просто циркачу нравится видеть, как горят надеждой глаза детей и как разбиваются их сердца, когда звучат не их имена.

– Эйден Мордред.

– Я, – тихо ответил мальчишка и, вскочив с мешка, присоединился к остальным. Лёфор легонько ткнул его локтем под ребра и тоже улыбнулся, когда встретился с ним взгля-

дом.

– Теперь вы – вольные артисты и цирк мадам Анже приветствует вас. Остальным не вешать нос и продолжать упорно трудиться. Либо вы станете частью цирка, либо сдохнете. Иного не дано.

Эйден плохо понимал, что происходит, когда они покинули шатер рабов. Идя по лагерю в сопровождении Калле, они то и дело ловили улыбки других циркачей. Кто-то хлопал им, кто-то громко поздравлял, а кто-то провожал молчаливым, ехидным взглядом. Корин и Рейджи отправились в шатер гимнасток, где жила и Лейнира, по которой пускал слюни Лёфор. Леопольда Калле проводил до шатра силачей, Лёфору достались акробаты, а Эйдена Калле довел до обители жонглеров и, придерживав полог, пропустил внутрь.

Внутри шатра было жарко. Ярко горела печь, отбрасывающая оранжевые блики на лица людей. Кто-то штопал свою одежду, кто-то негромко болтал с соседом по кровати. Эйден улыбнулся, увидев, что спят циркачи в настоящих кроватях, пусть матрасом им все так же служит мешок, набитый сеном. В шатре пахло вином и печеной картошкой, которая наверняка поспевала в углях. В уголке худенькая девушка в красно-белом трико и фиолетовой рубаше играла на лютне, выводя мягким голоском слезливую балладу. Рядом с ней расположился смуглый мужчина с длинными, обвислыми усами и хитрым, похожим на хорька, лицом.

– О, а вот и мальчика привели, – рассмеялась девушка, откладывая лютню в сторону. Мужчина тоже встал со своего места и подошел к Калле, после чего весело посмотрел на Эйдена.

– Как звать? – спросил он. Голос низкий, бархатный и приятный. Нет в нем сурового скрежета, как у Бута, и шершавости, как у Вильяма Волосатого.

– Эйден. Эйден Мордред, – тихо ответил мальчик, прижимая к себе тощий мешок с нехитрыми пожитками.

– Зови меня Скеллан, – улыбнулся мужчина и махнул рукой в сторону девушки. – Это Олкана. Она моя. Если надумаешь к ней лезть, я тебе лицо обглодаю.

– Хватит пугать мальчика, – рассмеялась Олкана, заметив, как Эйден напрягся. Но Скеллан и сам рассмеялся, дав понять, что сказанное – обычная шутка, пусть и неуклюжая. – Бов, найдешь мальчишке место?

– Да вон пусть любую свободную кровать занимает, – ответила ей полноватая девушка, тоже носящая красно-белое трико. Вот только рубаха у неё была зеленой. – Иди сюда, малец. Есть хочешь?

– Немного, – осторожно ответил ей мальчик. Бов кивнула и, подойдя к печке, поворошила обожженной палкой угли.

– Так, картошку почти всю сожрали, но парочка осталась. Тимис, дай мальчонке огурец. И нечего так смотреть. Знаю, что у тебя есть. В деревне спёр.

– Все-то ты знаешь, – проскрипел худой и высушенный

мужичок, отвлекаясь от штопанья трико. Он сунул руку в свой мешок и вытащил из него большой огурец, который бросил Эйдену. – Налетай, малец. Видать Гэймилл совсем обленился и жратвой вас не балует. Кожа да кости...

Калле ушел, оставив его наедине с циркачами. Но в отличие от шатра рабов, никто не пытался вырвать у него мешок из рук или отобрать еду. Жонглеры быстро смирились с новеньким в своем шатре и вернулись к своим делам. Тимис продолжил штопать трико, Бов подседа к беседующим, а Олкана вновь тронула струны лютни и запела. Эйден потоптался на месте и подошел к кровати, которая стояла в отдалении от остальных. Он не знал местных порядков, поэтому решил пока не раздражать циркачей своим присутствием. Но все-таки пересилил стеснение и подошел к Скеклану, слушающему, как поет Олкана.

– Простите, гос... то есть, Скеклан.

– Чего тебе, малец? – усмехнулся старший жонглер.

– Когда вы отходите ко сну?

– Когда тебе вздумается, – ответила за него Олкана, тряхнув гривой рыжих волос. – Ты теперь вольный, мальчик. Сам решаешь, когда и что делать.

– Есть у нас, конечно, свои правила, – загадочно добавил Скеклан. – Но о них завтра поболтаем. Сейчас отдыхай или тренируйся. Или можешь попробовать Бов соблазнить. Она к младому телу равнодушна...

– Я тебя сейчас палкой по горбу соблазню, – буркнула девушка и рассмеялась, как и остальные в шатре. Эйден тоже улыбнулся и, вздохнув, вернулся к своей кровати. От волнения ему очень сильно хотелось спать, а жар от печки нагонял дрему. Но так рано лечь спать он не собирался. Вместо этого Эйден взял ножи и отправился на площадку, чтобы немного позаниматься.

Утром Скеккан разбудил его. Но обошелся без пинков и подзатыльников, как Бут и Калле. Просто потормошил за плечо и, когда мальчишка распахнул глаза, тихонько рассмеялся.

– Расслабься, паренек, – хмыкнул он и отошел в сторонку, давая Эйдену возможность встать и одеться. Сам жонглер был одет тепло. Стеганая куртка с железными клепками на рукавах, меховая, пусть и немного свалявшаяся, шапка и тяжелые сапоги, отороченные мехом. – За пологом мороз, поэтому лови, – он бросил Эйдену куртку.

– Спасибо.

– Пройдемся? – спросил Скеккан. Эйден кивнул в ответ, надел куртку и замотал колючей шерстяной тряпкой шею, после чего направился за циркачом к выходу из шатра.

– Правила у нас простые, малец. Как и в любом шатре, – сказал Скеккан, когда они вышли на мороз и неспешно двинулись в сторону тренировочной площадки. До Эйдена донесся резкий голос Бута, который гонял детей на полосе пре-

пятствий.

– Что от меня требуется? – тихо спросил он, повернувшись к жонглеру.

– Мелочь, если так подумать, – улыбнулся Скеллан. – Если ты попадаешь в труппу на представление, то мадам Анже платит тебе десять медяков за выступление. Лучшие артисты получают серебряник, но до них еще дорасти надо. Так вот. Из этих десяти медяков половина идет на нужды шатра, оставшаяся половина тебе. Можешь отдавать их на хранение Бов. Она спит так чутко, что никакие крысы не страшны. С доли на нужды шатра мы обновляем снаряжение, берем в деревнях еду и покупаем вино.

– А если ты не попадаешь в труппу на выступление? – спросил Эйден. Скеллан усмехнулся и кивнул.

– Пять медяков, парнишка. В любом случае. Все, что больше пяти медяков – твое.

– А где их взять? – услышав в голосе мальчика растерянность, Скеллан вздохнул.

– Сам подумай. На выступление собирается уйма народу. С ближайших деревень и дальних городов. Купцы, ремесленники, голожопые дети и деревенские дураки. Эти обалдуи так увлечены цирком, что за кошельками своими совсем не следят. Ты мелкий и невзрачный. Легко со спины подберешься и кошель ножом срежешь.

– А если попадусь?

– Тогда сам выкручиваться будешь, – улыбнулся Скеллан

и похлопал мальчишку по спине. – Выше нос, малец. Каждый из нас через это проходил, да и кушать всем хочется. Вчера тебя Бов покормила, а завтра ты её покормишь. Не сказать, что наша жизнь тяжкая. Но всякое бывает. И горячка, и другие болезни, и руку сломать можно. Только мы друг о друге и заботимся, малец.

– А в других шатрах так же?

– Чаще всего, – туманно ответил циркач. – Но я не жду от тебя ответа «нет», Эйден. Хочешь быть с нами? Следуй правилам.

– Я попробую, – вздохнул мальчик. Скеллан снова улыбнулся и кивнул.

– Вот это слова вольного, а не раба. Ладно, пошли к мадам Анже. Узнаем, кто сегодня выступать будет.

Мадам Анже, высокомерная и холодная, как морозное утро, все так же сидела на резном кресле, возвышаясь над тренировочной площадкой, словно древняя богиня. В отличие от остальных циркачей, она была одета куда богаче. Меха́вая шуба надёжно защищала её от мороза, как и теплая шапка из меха эмпейского соболя. Ноги мадам Анже тоже были укрыты шкурами, а стоящий рядом с ней циркач то и дело подавал ей горячий чай в небольшой фарфоровой чашечке.

Внизу у помоста уже собрались остальные старшие шатров. Эйден увидел Лёфора и улыбнулся ему, получив улыб-

ку в ответ. Пришедшие ждали, когда мадам Анже заговорит, но женщина продолжала задумчиво наблюдать за тем, как гоняет детей на полосе препятствий Бут.

– Через два дня представление, мои дорогие, – наконец-то она нарушила молчание, когда большинство артистов начали подпрыгивать на месте, чтобы хоть как-то согреться. – После него мы все, милостью Ласа, отправимся в Кагру, где и переждем зиму. На представлении будет герцог Вотерфи, хозяин этих земель, весьма состоятельный и щедрый. В связи с этим я жду от вас наилучшего выступления, которое вы можете выдать. Скеллан, нужны три жонглера. Два будут развлекать публику ножами и один факелами.

– Да, мадам, – поклонился циркач. – Моя Олкана возьмет на себя ножи вместе с Тимисом, а на мне факелы.

– А мальчик? – изогнула губы в насмешливой улыбке мадам Анже и кивнула в сторону Эйдена.

– Мальчик еще не готов к таким выступлениям, мадам. Позвольте использовать проверенных людей.

– Пусть будет так. Калле, ты будешь метать ножи. В толпе должна быть наша девушка, которую ты вызовешь на сцену. Один нож оцарапает ей щеку, а последний должен пробить яблоко на её голове. Также нужны силачи и один укротитель огня. Займись этим тоже, мой дорогой.

– Да, мадам, – усмехнулся Калле. Но Эйден углубился в собственные мысли. Скеллан сказал ему, что будет, если он не попадет в труппу на выступление. Лёфор тоже выглядел

раздосадованным, но мадам Анже неожиданно подняла руку и поманила его к себе.

– Ну а ты, мой маленький акробат?

– Я готов работать, мадам Анже, – поклонился тот, пусть и не смог стереть с лица самоуверенную ухмылку.

– Не сомневаюсь. Будешь развлекать меня, – улыбнулась она и взмахом руки дала понять, что разговор окончен.

– Простите, мадам Анже, – встрял незнакомый Эйдену циркач, крепкий и низкорослый. Его мальчик частенько видел на тренировочной площадке, игравшим с тяжелыми камнями. Он поклонился и, когда хозяйка цирка кивнула, спросил. – Что с Вильямом, мадам? Вернется ли он в наш лагерь?

– Вильям испортил то, что принадлежало мне, – процедила мадам Анже и в её бесцветных глазах полыхнул лед. – Он отправился с Эриком на поиски равноценной замены. И пока он не найдет эту замену, он не вернется. Я ответила на твой вопрос, Энис?

– Да, мадам. Благодарю, мадам, – пробормотал тот и спрятался за спину Калле.

– Готовьтесь хорошо. Мы не имеем права осрамиться перед герцогом Вотерфи, – ответила мадам Анже и, опершись на руку молчаливого циркача, покинула помост.

– Пошли, парнишка, – вздохнул Скеллан, похлопав Эйде на по спине. – Надо дать тебе пару уроков перед выступлением. У тебя будет своя, не менее важная роль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.